

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Традиции Н. А. Некрасова в творчестве И. С. Никитина

Исполнитель Фролова Кристина Генриховна

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель доктор филологических наук, профессор

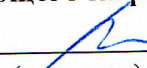
(ученая степень, ученое звание)

Ерофеева Наталья Евгеньевна

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Исполняющий обязанности заведующего кафедрой

(подпись)

кандидат педагогических наук

(ученая степень, ученое звание)

Виноградова Марина Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

«25» июня 2026 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2026

Содержание

Введение.....	4
Глава I. НАРОДНАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА И НЕКРАСОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПРОСТОГО ЧЕЛОВЕКА	11
1.1. Народная тема в XIX в.: истоки, мотивы и функции в литературном процессе	11
1.2. Некрасовская традиция изображения простого человека в русской поэзии XIX века.....	17
1.3. Некрасовская традиция изображения народа и ее трансформация в поэзии И. С. Никитина	25
Выводы по первой главе.....	28
Глава II. ПЕРСОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И. С. НИКИТИНА	31
2.1. Биографические предпосылки и литературное окружение.....	31
2.2. Особенности рецепции некрасовской традиции в произведениях А. В. Кольцова и формирование художественной манеры И. С. Никитина	38
2.3. Социальная проблематика в творчестве И. С. Никитина. Поэма «Кулак» как пример синтеза социальной и лирической линии.....	45
Выводы по второй главе.....	58
Заключение	61
Список литературы	64

Аннотация

В работе рассматривается проблема художественной трансформации некрасовской традиции в поэзии И. С. Никитина, обосновывается своеобразие освоения народной темы, анализируются особенности поэтики социального и лирического начал в произведениях поэта, прослеживается развитие демократического направления в русской поэзии XIX века. Особое внимание уделено сопоставлению художественных принципов Н. А. Некрасова и И. С. Никитина, выявлению механизмов преемственности и индивидуального переосмысления традиции в поэме «Кулак» и стихотворении «Ехал из ярмарки ухарь-купец...», а также в произведениях Н. А. Некрасова («Размышления у парадного подъезда», «Железная дорога», «Влас», «Поэт и гражданин» и др.).

Введение

Иван Саввич Никитин (1824-1861) занимает особое место в отечественной литературе середины XIX века. Поэт, прозаик, автор знаменитой поэмы «Кулак», он стал одним из самых ярких представителей демократического направления в поэзии, для которого литература была не просто искусством, но формой гражданского служения и глубокого сострадания к народной доле. Его стихи, проникнутые искренней болью за «маленького человека», звучали в самых разных слоях общества, а творчество переведено на многие европейские языки.

Выходец из мещанской среды, он с ранних лет познал нужду, тяжелый труд и социальную несправедливость – опыт, который впоследствии определил тематику и интонационный строй его стихотворений [Кузнецов, 1991, 9]. Обращает на себя внимание драматизм судьбы поэта: смерть отца, разорение, содержание постоянного двора – все это наложило глубокий отпечаток на его поэзию, в которой трагическое соседствует с просветленным, социальная боль – с любовью к родной природе, а безысходность – с надеждой [Тонков, 1968, 17].

Воронеж, где прошла почти вся жизнь И. С. Никитина, стал для него не только малой родиной, но и своеобразной «точкой сборки» художественного мира, в котором провинциальная жизнь, быт простых горожан и крестьян, природа среднерусской полосы обрели голос высокой поэзии. В. А. Тонков, например, отмечал, что «воронежский период – это не просто биографическая веха, а фундамент, на котором выросла вся поэтическая система Никитина, ее интонации, образы, ритмы» [Тонков, 1968, 22].

Первая публикация стихотворений И. С. Никитина состоялась в 1853 году в «Воронежских губернских ведомостях», чему во многом способствовала поддержка местного краеведа и литератора Н. И. Второва, разглядевшего в начинающем поэте незаурядный талант [Пивоварова, 2016, 269]. В 1856 году вышли два отдельных сборника, принесших поэту всероссийскую известность и восторженные отзывы критики. Современники

ставили И. С. Никитина в один ряд с А. В. Кольцовым, видя в нем наследника певца «русской песни»; одновременно многие отмечали его близость к гражданской поэзии Н. А. Некрасова [Гаркави, 1955, 35]. Однако, в отличие от А. В. Кольцова, И. С. Никитин не ограничился песенным началом, а в отличие от Н. А. Некрасова – не растворил лирическое «я» в социальной публицистике. Он искал собственный путь, который можно охарактеризовать как напряженный диалог двух мощных традиций, двух голосов русской поэзии середины XIX века.

В историю русской литературы И. С. Никитин вошел прежде всего как поэт-«народник», продолжатель традиций Н. А. Некрасова и А. В. Кольцова [Скатов, 1968, 113]. При этом, по убедительному наблюдению Н. Н. Скатова, его творчество не является эпигонским: «Никитин не повторял Некрасова, он искал свой путь в изображении народа, сочетая социальную остроту с лирической проникновенностью. И в этом смысле он – не ученик, а полноправный собеседник» [Скатов, 1968, 118]. Именно эта двойственность – следование некрасовской гражданственности и одновременно опора на кольцовскую песенную стихию – и придает поэзии И. С. Никитина уникальность, превращая ее в своего рода «скрещенье» двух могучих поэтических потоков.

Особого внимания заслуживает вопрос о так называемой «некрасовской школе» в русской поэзии XIX века. Этот термин, прочно вошедший в научный обиход благодаря трудам Н. Н. Скатова, обозначает не формальное объединение поэтов, а целостное идейно-художественное направление, для которого характерны интерес к социальной проблематике, демократическая позиция, ориентация на народную жизнь и особый тип лирического героя – гражданина, сопереживающего страданиям угнетенных. Как отмечал А. Еголин, «некрасовская школа сложилась в русской поэзии 1850-1860-х годов как закономерный этап развития реализма. Она явилась выражением демократических устремлений эпохи, стремления литературы к сближению с народной жизнью» [Еголин, 1958, 155]. При этом, по наблюдению

Н. Н. Скатова, «школа Некрасова – это не ученичество, а метод художественного мышления, который каждый поэт преломлял через свою индивидуальность» [Скатов, 1968, 7]. В рамках этой школы лирическое начало не противопоставлялось социальному, но органично с ним соединялось, рождая особый тип эмоционально насыщенной, публицистически заостренной поэзии, где личная боль становилась отражением боли народной.

В поэзии И. С. Никитина влияние некрасовской традиции прослеживается на нескольких уровнях: тематическом (обращение к судьбе крестьянства, городской бедноты, обездоленных), жанровом (тяготение к сюжетному стихотворению, поэме), стилистическом (использование разговорной речи, прозаизмов). Однако, как будет показано в нашем исследовании, И. С. Никитин не механически воспроизводит некрасовские модели, а переосмысляет их: отказывается от некрасовской иронии в пользу трагического, а иногда и просветленного пафоса; смещает акцент с внешнего социального конфликта на внутренний мир страдающего человека, на его душу; вводит природные образы не как социальный контраст, а как соучастников душевной драмы [Черешнева, 2012, 12]. Особое место в этом процессе занимает влияние А. В. Кольцова, чья песенная стихия, раздолье, почти языческое чувство природы придают поэзии И. С. Никитина особую напевность и национальный колорит, смягчая и лирически окрашивая суровую социальную правду.

Изучению творчества И. С. Никитина посвящен ряд значительных работ, хронологически охватывающих дореволюционный, советский и постсоветский периоды. На первом этапе, в дореволюционном литературоведении, Ф. Е. Севицкий (1893) и С. М. Зарин (1904) заложили основы биографического подхода к наследию поэта, сосредоточившись на фактах его нелегкой жизни, религиозно-нравственных исканиях. Особый интерес в этом ряду вызывает работа И. М. Камова «Содержание и характер поэзии И. С. Никитина» (1901), предпринявшего одну из первых попыток системного анализа идейного содержания никитинской лирики [Камов, 1901,

12-18]. С. М. Зарин, в свою очередь, акцентировал внимание на христианском мировоззрении И. С. Никитина, видя в его поэзии отражение православного понимания страдания и смирения [Зарин, 1904, 855-856].

Наиболее весомый вклад в изучение творчества И. С. Никитина внесло советское литературоведение. Классическими стали работы А. М. Гаркави (1955) и В. А. Тонкова (1968), не только систематизировавшие биографические данные, но и введшие в научный обиход многие ранее не публиковавшиеся материалы. Особый интерес вызывает фундаментальное исследование Н. Н. Скатова «Поэты некрасовской школы» (1968), в котором творчество И. С. Никитина впервые было рассмотрено в широком контексте демократической поэзии середины XIX века. Н. Н. Скатов убедительно показал, что И. С. Никитин – не второстепенная фигура некрасовского круга, но представляет собой самостоятельную величину, «своеобразное звено между Кольцовым и Некрасовым, сумевшее синтезировать их поэтические открытия» [Скатов, 1968, 119].

В постсоветский период интерес к И. С. Никитину не угас, но сместился в сторону более частных вопросов. Особый интерес вызывает диссертация Г. П. Черешневой «Поэзия И. С. Никитина в литературном процессе 1840-х – начала 1860-х годов» (2012), в которой творчество поэта впервые рассмотрено не изолированно, а в динамике литературной борьбы и взаимодействия с современниками [Черешнева, 2012, 5-8]. Г. П. Черешнева вводит понятие «литературной ситуации» как ключевого фактора, влияющего на эволюцию поэтической системы И. С. Никитина. В ряде статей она также подробно анализирует поэму «Кулак», выделяя ее жанровое и стилевое своеобразие [Черешнева, 2008, 149-156]. Среди современных работ обращают на себя внимание статьи Д. А. Романова (2024) и Н. Б. Бугаковой (2024), посвященные лингвопоэтическим особенностям лирики И. С. Никитина и роли устаревшей лексики в поэме «Кулак».

В зарубежной славистике интерес к И. С. Никитину проявляется преимущественно в рамках сравнительных анализов. Так, Л. Е. Сурнина

рассматривает творчество поэта в сопоставлении с Н. А. Некрасовым, А. В. Кольцовым и коми поэтом И. А. Куратовым [Сурнина, 2020, 323-331].

Вместе с тем, как показывает анализ источников, вопрос о трансформации некрасовской традиции в поэтической системе И. С. Никитина до сих пор остается дискуссионным. Именно этим и определяется **актуальность** нашей работы. В существующих исследованиях, как правило, акцент делается либо на выявлении черт «некрасовской школы» в поэзии И. С. Никитина, либо на его фольклорных и кольцовских истоках. Комплексный анализ взаимодействия этих двух традиций в единой поэтической системе, исследование того, как именно И. С. Никитин трансформирует некрасовские модели – отказывается от иронии, переосмысливает образ страдающего народа через призму внутреннего мира личности, соединяет социальный протест с лирической исповедью – до сих пор не проведен. Именно этот пробел призвано восполнить настоящее исследование.

Объектом исследования является поэтическое творчество И. С. Никитина, а также Н. А. Некрасова и А. В. Кольцова в аспекте их влияния на творчество И. С. Никитина.

Предмет исследования – художественные способы трансформации некрасовской традиции изображения народа и простого человека в поэтической системе И. С. Никитина, особенности персональной поэтической модели поэта.

Цель работы – выявить особенности преломления и творческой переработки некрасовской традиции в поэзии И. С. Никитина.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- Проследить особенности развития народной темы в русской литературе второй половины XIX века.
- Охарактеризовать главные черты некрасовского подхода к изображению простого человека и народа.

– Проследить, как традиции Н. А. Некрасова преломляются в поэзии И. С. Никитина и в чем проявляется авторская самостоятельность И. С. Никитина.

– Проанализировать биографические предпосылки и литературное окружение И. С. Никитина, оказавшие влияние на формирование творческого метода поэта.

– Исследовать влияние А. В. Кольцова на лирическую составляющую поэзии И. С. Никитина.

– Рассмотреть поэму «Кулак» как произведение, соединившее в себе социальную проблематику и лирическое начало.

Научная новизна исследования заключается в том, что, в отличие от предшествующих работ, рассматривавших влияние Н. А. Некрасова и А. В. Кольцова на И. С. Никитина отдельно, в нашей работе данный процесс анализируется комплексно, во взаимодействии двух традиций.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в рамках студенческой работы дается анализ механизмов трансформации литературной традиции в поэзии И. С. Никитина и уточняется место поэта в истории развития русской реалистической поэзии второй половины XIX века.

Методологическую основу исследования составили труды М. М. Бахтина, А. Н. Веселовского, Л. Я. Гинзбург, Г. М. Фридендера, В. Е. Хализева, А. П. Скафтымова, а также исследования, посвященные творчеству Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова и И. С. Никитина, среди которых Н. Н. Скотов, А. М. Гаркави, В. А. Тонков, В. И. Кузнецов, Г. П. Черешнева и др.

Методы исследования. В работе на основе историко-культурного подхода используются сравнительный, аспектный и биографический методы.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования материалов в практике изучения творчества И. С. Никитина.

Материал исследования. Материалом послужили произведения И. С. Никитина: поэма «Кулак» (1857, опубл. 1858), стихотворения «Ехал из

ярмарки ухарь-купец...» (1858), «Бурлак» (1854), «Пахарь» (1856), «Утро» (1854-1855), «Встреча зимы» (1854) и др. Для сопоставления привлекаются избранные стихотворения Н. А. Некрасова и песни А. В. Кольцова.

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Глава I. НАРОДНАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА И НЕКРАСОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПРОСТОГО ЧЕЛОВЕКА

1.1. Народная тема в XIX в.: истоки, мотивы и функции в литературном процессе

В XIX веке русская литература все чаще обращается к народной жизни. Это не просто мода, а симптом глубокого сдвига. Интерес к быту простого человека связан с новыми целями искусства. Растущий интерес к повседневному опыту народа говорил о том, что литература стремилась затронуть социально значимые темы. В этом контексте творчество Николая Алексеевича Некрасова стало одним из наиболее ярких и последовательных выразителей народной проблематики в поэзии: у него мужик говорит в полный голос, а не мелькает на заднем фоне усадебных пейзажей. Но важно другое – его произведения не сводятся к бытовой картине. За внешним рядом деталей (телега, изба, баба у колодца) всегда проглядывает что-то большее: попытка понять, как вообще устроен человек, о чем он думает, что его держит на земле. А. Н. Некрасов не просто фиксирует действительность, он ее переживает вместе со своим героем. И в этом, пожалуй, главный урок, который подхватит И. С. Никитин, но уже на свой лад.

Одной из характерных особенностей развития народной темы в поэзии XIX века становится органическое соединение эпического и лирического начал. В художественных текстах этого периода все чаще возникают элементы повествовательности, «развернутые картины народной жизни, в которых индивидуальные судьбы осмысливаются как части более широкого социального и исторического целого» [Сурнина, 2020, с. 328]. Подобная структура позволяет поэтическому произведению включать черты повествовательных жанров и приближаться к форме социально ориентированного рассказа в стихах. Одновременно усиливается значение исповедальной интонации, внимание к внутреннему состоянию лирического

субъекта, его нравственным сомнениям и эмоциональным реакциям. В результате поэтическое высказывание приобретает двойственную природу: с одной стороны, оно фиксирует социальную реальность, с другой – сохраняет личностную глубину и психологическую напряженность. Такое сочетание «расширяет функциональные возможности поэзии, позволяя ей выступать одновременно как художественное свидетельство эпохи и как форма нравственного осмысления действительности, что соответствует структурному пониманию поэтического текста как сложной системы взаимодействующих уровней смысла» [Виноградов, 1991, с. 103].

В рамках данной тенденции особое значение приобретает осознание поэтом собственной ответственности за изображение народного опыта. Позиция Н. А. Некрасова является показательной. В ряде его произведений прямо сформулировано понимание поэзии как служения народу и выражения его боли и надежд. Например, в стихотворении «Умру я скоро. Жалкое наследство...» поэт определяет свою задачу как обязанность «воспеть» страдания простого человека и направить его путь «лучом сознания» [Некрасов, 1867]. Такая установка автора перемещает взгляд читателя на социально значимые темы. Благодаря этому народная тема приобретает не только тематическое, но и этическое направление.

Изображаемые Н. А. Некрасовым персонажи – крестьяне, городская беднота, женщины, представители так называемого «маленького человека» – предстают в его творчестве с личным жизненным опытом и своим голосом. Лирический герой здесь не наблюдает за народом со стороны, а словно встает в один ряд с ним. Этот жест, на мой взгляд, меняет все: возникает не просто описание, а пространство общей судьбы. Как точно замечает В. В. Гиппиус, подобный подход был для середины XIX века настоящим прорывом, ведь «раньше простой человек служил либо фоном, либо стереотипом» [Гиппиус, 1966, с. 225]. И что особенно ценно, И. С. Никитин отказывается от слащавой идеализации: его герои – уставшие, надорванные трудом, порой замкнутые и сломленные. Особое значение в системе этих образов занимает тема женской

судьбы, раскрываемая через жизни матерей, вдов и крестьянок, представленная как самостоятельная драма, сочетающая изнурительный повседневный труд с внутренним достоинством и сохранением человеческой целостности. Но, как правило, именно в таком изображении и рождается подлинная сила: они не сдаются. И страдание у него перестает быть просто «чертой быта» – оно становится той почвой, на которой вырастает человеческое достоинство.

Социальная проблематика является одной из основных характеристик в осмыслении народной темы в русской литературе XIX века: описание труда, нищеты и униженного положения человека служит не столько фиксацией действительности, сколько способом нравственного анализа общественных противоречий. «Обращение к страданиям и несправедливости простых людей не сводится к публицистическому обличению или агитационной риторике; внутренней основой художественного высказывания является глубоко переживаемое чувство социальной несправедливости» [Соколова, 2021, с. 1991]. В результате боль, представленная в тексте, предстает как эмоционально и нравственно освоенный опыт, привлекающий читательское сопереживание и переводящий восприятие от внешнего описания к этическому осмыслению. Изображение общественных пороков, таких как бедность, тяжелый труд, произвол власти и лишение прав, рассматривается как материал художественного исследования, центром которого остается человек и его внутреннее достоинство, противопоставленное давлению обстоятельств. Существенную роль в создании указанного эффекта играет прием передачи «чужого слова», позволяющий вводить в художественную ткань речь представителей низших социальных слоев без явной авторской стилистической коррекции; эта стратегия усиливает достоверность изображения и формирует модель непосредственного нравственного диалога между текстом и читателем, типичную для социально ориентированной литературы рассматриваемого периода.

В системе народной темы русской литературы XIX века мотив страдания раскрывает не только частную драму человека, но и социальную организацию действительности, в которой человеческое достоинство сталкивается с зависимостью, нуждой и бесправием. При этом художественное изображение народной жизни не ограничивается фиксацией бедственного положения: рядом со страданием устойчиво присутствуют мотивы нравственной стойкости, терпения, внутренней силы и представление о справедливости как ценностном горизонте народного существования. В литературном процессе данные мотивы выполняют ряд взаимосвязанных функций: социально-диагностическую, позволяющую выявить противоречия эпохи; нравственно-оценочную, утверждающую ценность личности вне сословных границ; и культурно-интегративную, включающую «низовую» жизненный опыт в общенациональную картину мира. Тем самым народная тема становится одной из форм исторического и нравственного самопознания русской культуры XIX века, что неоднократно подчеркивалось в критике и теории литературы данного периода.

На этой основе в поэзии и прозе второй половины XIX века постепенно складывается устойчивое художественное направление, ориентированное на изображение народа как носителя исторического опыта и нравственного смысла. В его рамках формируются характерные тематические узлы, связанные с изображением труда и повседневности, социальной зависимости и произвола, семейной и женской доли, городской и сельской бедности, а также противостояния «верхов» и «низов» как структурного принципа общественной реальности. Некрасовская линия в данном контексте значима прежде всего как «одна из наиболее последовательных форм художественного воплощения народной проблематики; исследователи связывают с ней консолидацию круга авторов, для которых народ становится центральным предметом изображения и критической рефлексии» [Зарин, 1904, с. 854]. Вместе с тем сама традиция не сводится к одному имени, развиваясь как часть общего движения русской литературы к социально и нравственно значимому

содержанию, что ведет к расширению представлений о герое, языке и функциях художественного слова в культуре XIX столетия.

Литературная традиция, связанная с обращением к народной жизни в русской литературе XIX века, формируется не только благодаря тематическому выбору, но и в результате складывания целостной художественной системы с устойчивыми поэтическими принципами, способной воспроизводиться в творчестве разных авторов. В ее основе лежит соединение реалистической поэтики с выраженной гражданской направленностью художественного сознания, что в условиях середины XIX столетия приобретает новаторский характер. Речь идет не просто о предоставлении художественного голоса социально угнетенным слоям, но о придании этому голосу эстетической значимости и культурной репрезентативности. Формируются особый язык, ритмика и образная структура, передающие народную точку зрения без утраты художественной выразительности. Тем самым вырабатываются приемы, сочетающие устойчивость традиции с ее внутренней пластичностью, что делает возможным дальнейшее развитие народной проблематики в литературе последующих десятилетий.

Существенным элементом данного процесса становится языковое обновление поэзии, основанное на органическом соединении книжной речи и живых разговорных интонаций, приближающих художественное слово к повседневной речи простого человека. Подобное разрушение границ между высоким стилем и народной речевой стихией способствует демократизации литературного языка и расширяет выразительные возможности поэзии. Как отмечал В. В. Виноградов, «разговорное слово в подобной системе превращается в средство художественного обобщения, не утрачивая своей подлинности» [Виноградов, 1991, с. 103]. Значительную роль в закреплении народной проблематики в литературном процессе второй половины XIX века сыграли институциональные факторы, связанные с деятельностью литературных журналов и формированием вокруг них определенной идейно-

эстетической среды. В этом контексте «редакторская практика, ориентированная на социально значимое содержание и изображение народной жизни, способствовала превращению соответствующих художественных принципов в устойчивое направление литературного развития, тем самым определив один из ключевых векторов эволюции русской словесности рассматриваемого периода» [Бухштаб, 1989, с. 117].

Важным механизмом устойчивости народной традиции в русской литературе XIX века становится формирование в художественном сознании ряда принципов, выходящих за пределы конкретной исторической ситуации: представления о нравственном долге поэта, внимании к внутренней ценности человека независимо от его социального положения, стремлении к социальной правде как основанию художественного высказывания. Подобные установки обладают высокой степенью культурной адаптивности и потому сохраняют актуальность в различных исторических контекстах, обеспечивая преемственность литературного развития [Ночевка, 2018, с. 37]. Восприятие поэзии как формы общественного служения постепенно утверждается не только в авторском самосознании, но и в читательской рецепции, что способствует превращению социально ориентированной поэтики из индивидуального художественного опыта в устойчивую культурную норму. Именно такая институционализация на уровне критической мысли, читательских ожиданий и литературной практики создает условия для длительного существования и эволюции народной художественной традиции.

Не менее значимым фактором ее формирования становится характер восприятия соответствующих произведений современниками и последующими поколениями. Полемичность критических оценок, колеблющихся между обвинениями в избыточной натуралистичности и признанием художественной правды социального изображения, свидетельствует о напряженности дискуссии вокруг соотношения эстетического и общественного начал в искусстве. Подобные споры оказываются важной частью литературного процесса, поскольку именно в них

вырабатываются представления о допустимых границах социальной проблематики в художественном тексте. В дальнейшем реалистическая традиция, а затем и направления, ориентированные на изображение крестьянской жизни конца XIX – начала XX века, развивают сложившуюся модель социально и нравственно значимой поэзии, закрепляя образ поэта как участника общественной судьбы народа. Тем самым народная тема окончательно утверждается как художественное и мировоззренческое основание литературного развития рассматриваемой эпохи.

Развитие народной темы, как правило, не проходит бесследно для жанровой природы поэзии: она начинает дышать иначе. Особенно показательно здесь тяготение к социальной элегии, где личная боль героя уже не замыкается на себе, а становится голосом целого сословия. Н. А. Карташева точно подмечает этот сдвиг, говоря о «прозаизации» элегии, о ее «спуске с небес на землю, от отвлеченной грусти к мужицкой телеге и бабьей доле» [Карташева, 2009, с. 739]. Надо признать, за этим, на первый взгляд формальным, изменением стоит гораздо больше: перестраивается сам поэтический язык; он становится острее, предметнее, а главное – способным удерживать ту самую социальную правду, которую искала литература середины XIX века. И стоит заметить, что именно этот жанровый сдвиг окажется впоследствии важнейшим мостиком от Н. А. Некрасова к И. С. Никитину.

1.2. Некрасовская традиция изображения простого человека в русской поэзии XIX века

В поэзии Николая Алексеевича Некрасова меня всегда поражало одно: она не просто «про народ», она говорит так, будто народ сам взялся за перо. Сочетание высокого мастерства и социальной правды – это, конечно, не открытие XIX века, но у Н. А. Некрасова оно обретает особое значение. Современники не случайно говорили, что его стихи «вышли на площадь», заговорили голосом народа, но при этом не растеряли той лирической

насыщенности, которая и отличает настоящую поэзию [Малышева, 1999, с. 119]. Из этого единства, надо признать, родилась целая система образов и мотивов, которая позже стала не просто традицией, а своего рода эталоном для поэтов второй половины века. И, пожалуй, главный инструмент, который Н. А. Некрасов использовал, чтобы «заговорить по-народному», – это интонация, стилизованная под живую, почти осязаемую разговорную речь, где каждое слово бьет в цель. Поэт сознательно приближает письменное высказывание к устной речевой практике: в тексте появляются междометия, вставные ремарки, резкие синтаксические паузы, а метр нередко нарушается там, где требуется передать дыхание, вздох или обрывок мысли. Благодаря этому стихотворение перестает быть замкнутой эстетической формой и превращается в пространство непосредственного общения, в котором голос автора сближается с голосом народа. Читатель оказывается не сторонним наблюдателем, а участником диалога, переживающим изображаемую судьбу как лично значимую. Как отметил в своей методике определения прозаического ритма Б. В. Томашевский, «сопоставление ритмических отклонений с речевыми паузами и звуковыми акцентами позволяет выявить смысло-образующую роль формы стихотворения» [Томашевский, 2008, с. 269]; в поэзии Н. А. Некрасова такая организация речи усиливает обличительную направленность высказывания и одновременно формирует эмоциональное сочувствие к изображаемому человеку.

Не менее существенным элементом данной художественной системы выступают ирония и сарказм как средства социальной критики и нравственной оценки действительности. В стихотворении «Размышления у парадного подъезда» авторская сатира направлена на тех, кто, обладая властью, проявляет равнодушие к нуждам простых людей. Поэт изображает нескончаемый поток просителей, которым суждено покинуть парадный вход, так ничего и не получив:

«...И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах...»

Образ «безвестных» людей, несущих «неисходное горе», отражает повторение народных страданий, превращает личную сцену в общую картину социальной действительности. Таким образом, разговорная интонация, свобода ритма и сатирический взгляд сливаются в единый творческий замысел, создающий прочную модель представления простого человека, которая впоследствии становится важной чертой Некрасовской литературной традиции.

Если вчитаться в Некрасовские строки внимательнее, то первое впечатление складывается, что это обычный рассказ, бытовая зарисовка. Но в какой-то момент вы уже не просто читаете, вы слышите голос, причем не просто сообщающий, а обвиняющий голос. И этот переход от спокойного тона к сарказму не случаен. Это точно запланированный ход. Личная история перестает быть таковой: она уже отражает образ народной жизни, со всей горечью, унижением, безнадежностью и редкими лучиками тепла. Н. А. Некрасов не просто описывает, а вовлекает в процесс, заставляя видеть, чувствовать. В этом и заключается его опознавательный знак.

В стихотворении «Псовая охота» гротеск и природная символика используются как средство художественного разоблачения помещичьего мира, противопоставленного тяжелой крестьянской действительности:

Сторож вокруг дома господского ходит,

Злобно зевает и в доску колотит.

Мраком задернуты небо и даль,

Ветер осенний наводит печаль...

Пейзажная деталь здесь приобретает не описательный, а смыслообразующий характер, усиливая контраст между внешней упорядоченностью усадебной жизни и ее внутренней нравственной опустошенностью. Эффект гротеска создается сочетанием гиперболизированных черт и подчеркнуто прозаической бытовой конкретики, благодаря чему изображаемая сцена соединяет комическое и трагическое начала. Ироническая интонация не замыкается на сатирическом эффекте, а

подчиняется задаче социального обобщения, раскрывая систему отношений, в которой благополучие «верхов» непосредственно соотнесено со страданием «низов». Тем самым художественные средства гротеска, контраста и символически нагруженного пейзажа формируют устойчивую модель критического изображения социальной действительности, ставшую важным элементом некрасовской литературной традиции репрезентации народной жизни.

Аналогичный художественный принцип мы видим и в стихотворении «Несжатая полоса», где природный образ насыщен трагическим смыслом: «только не сжата полоска одна... грустную думу наводит она». Поле здесь изображает не просто пейзаж, оно символизирует судьбу крестьянского труда. А вот в поэме «Мороз, Красный нос» зимний пейзаж выступает метафорой суровой и беспощадной народной доли. В более широком художественном контексте символика времен года выполняет определенные функции: зима символизирует испытания, весна – надежду. Таким образом, образ природы становится важным элементом поэтики, который формирует осмысление народной жизни.

«Среди устойчивых мотивов некрасовской поэзии особое место занимает проблема вины и нравственной ответственности образованного слоя перед народом. В стихотворении «Поэт и гражданин» данный мотив получает предельно четкое художественное выражение: обращение к интеллигенции лишено отвлеченной риторичности и звучит как нравственный императив, требующий активного участия в общественной жизни. Ставшая афористичной формула «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!» переносит акцент с индивидуального творческого самовыражения на общественный долг, утверждая приоритет служения народу как высшего критерия художественной и человеческой значимости» [Бахтин, 1986, с. 372]. Существенно, что данный этический призыв не разрушает лирическую природу поэтического высказывания. Напротив, мотив гражданской ответственности органично включается в систему художественных средств –

интонацию «чужого слова», ритмические сдвиги, бытовую конкретику речи, – благодаря чему обращение приобретает не только публицистическую, но и глубоко личностную, эмоционально переживаемую форму. Тем самым формируется одна из ключевых черт некрасовской литературной традиции: соединение гражданского содержания с лирической выразительностью как способ художественного осмысления народной судьбы.

«Существенным художественным принципом некрасовской поэтики выступает диалогическая организация поэтической речи. Многие тексты строятся как взаимодействие нескольких голосов – народного рассказчика, автора, лирического субъекта, отдельных персонажей, что формирует эффект непосредственного присутствия и усиливает реалистическую достоверность изображаемого. Диалогизация позволяет выявить столкновение различных социальных позиций, ценностных установок и представлений о справедливости, а также раскрывает внутреннюю противоречивость самого народного сознания» [Жданов, 1987, с. 127]. Показательным примером является поэма «Кому на Руси жить хорошо», где многоголосие функционирует не только как композиционный прием, но и как способ художественного моделирования народного мировосприятия. В этом смысле справедливо замечание М. М. Бахтина о том, что «многоголосие у Н. А. Некрасова выходит за пределы структурной организации текста и становится органической характеристикой его художественного метода» [Бахтин, 1975, с. 266].

Не менее значимым элементом данной поэтики является обращение к фольклорным формам – песенным интонациям, причитаниям, пословичным структурам, ритмике народной речи. Их включение в художественную ткань произведения создает ощущение звучания коллективного народного голоса и усиливает культурную подлинность изображаемого мира. Фольклорное начало при этом функционирует не как внешняя стилизация, а как глубинный принцип организации поэтического высказывания, обеспечивающий соединение индивидуального авторского сознания с коллективным опытом

народа. Именно поэтому, по наблюдению В. Е. Хализева, «фольклор у Н. А. Некрасова следует рассматривать как фундаментальную опору его поэтики, позволяющую личному голосу поэта органически сливаться с голосом народной традиции» [Хализев, 1999, с. 83].

Мотив исторической памяти в некрасовской поэтике выступает существенным компонентом не как ностальгическая ретроспекция, а как средство нравственного осмысления современности через пережитый опыт. Индивидуальная судьба в этом контексте приобретает значение общественного урока и включается в поле национальной истории. Наиболее показательна поэма «Русские женщины», где личная драма через бытовые детали, речевые особенности и поступки героинь трансформируется в элемент общенациональной памяти. Этот эффект достигается прежде всего за счет концентрации на телесно переживаемой эмпатии, придающей подвигу жизненную достоверность и освобождающей его от отвлеченной патетики, а также за счет композиционной полифонии, объединяющей различные хронотопы, в частности тюремные станции, домашнее пространство и эпистолярные фрагменты, что создает ощущение непрерывности исторического опыта и демонстрирует включенность личного переживания в коллективный нарратив. В результате память функционирует как нравственный критерий, предъявляющий современности требование ответственности за прошлое. Аналогичная операция с памятью наблюдается в поэме «Внимая ужасам войны», где обращение к опыту становится апелляцией к общечеловеческому состраданию и этическому отрицанию насилия; поток образов, рефренов и ритмических нарастаний передает непрерывность переживания страдания и подчеркивает разрушительное влияние войны на преемственность поколений и культурную память.

Не менее значимым художественным образом некрасовской поэтики является метафора дороги, соединяющая мотив странствия, представление о народной судьбе и историческую перспективу движения вперед. Дорога становится символом пути, который народ вынужден проходить через

страдания и боль. Так, например, в поэме «Железная дорога» образ дороги обобщает личную трагедию народного труда с исторической судьбой всей страны. Построенная ценой народных жертв, дорога выступает одновременно и как свидетельство социального неравенства, и в то же время показывает исторический прогресс. Как результат, мы видим, как пространственный образ превращается в средство философского осмысления народного опыта и одну из важнейших основ Некрасовской художественной традиции.

Кроме того, «мотив памяти в поэтике Н. А. Некрасова тесно связан с многослойностью времени: прошедшее не просто отсылает к себе из настоящего, а входит в него как активная сила, определяющая и восприятие событий, и развитие судеб героев. Использование анахронических включений, ретроспективных монологов и элементов воспроизведения живой речи прошлого создает ощущение исторического давления, одновременно выступающего источником нравственной опоры» [Жданов, 1971, с. 98]. «Соединение личного переживания с историческим опытом придает памяти объяснительную и ценностно ориентирующую функцию, поскольку через нее раскрываются причины общественных страданий и формируется нравственный вектор, связанный с сочувствием, верностью и внутренней готовностью к переменам» [Мельник, 2018]. В этом контексте показателен образ героя поэмы «Влас», проходящего путь от смиренного принятия судьбы к осознанию собственной человеческой значимости. Подобная эволюция раскрывает представление о духовной силе личности даже в условиях социального неблагополучия. Формируя систему мотивов и художественных средств, поэт опирается на предшествующие традиции русской литературы, прежде всего на лирическую культуру Пушкина и сатирическую направленность Крылова, однако существенно их переосмысливает, выдвигая народную речь в качестве основного источника поэтического языка. Просторечная лексика, пословичная образность и интонации устного рассказа формируют особый тип поэтического высказывания, оказавший заметное влияние на развитие литературы второй половины XIX века.

«Понятие «некрасовская школа» представляет собой условный термин, закрепившийся в литературоведении для обозначения круга авторов, воспринявших основные принципы его художественной системы. К числу таких принципов относятся выраженная социальная направленность, внимание к судьбе простого человека, реалистическая конкретность изображения и активное включение разговорной речевой стихии в поэтическую ткань. Поэты и прозаики, испытавшие влияние Н. А. Некрасова, в том числе С. С. Надсон, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. С. Никитин, развивали обозначенные тематические и интонационные установки, наполняя их собственным содержанием. В их творчестве социальная проблематика нередко соединяется с углубленным психологическим анализом, однако интонационная близость к народному голосу сохраняется как устойчивый признак художественной преемственности» [Скафтымов, 2007, с. 318].

«Существенное место в системе мотивов занимает и женская тема, органически связанная с изображением народной жизни. Обращение к судьбам крестьянок, матерей, жен декабристов позволяет раскрыть народное страдание через призму личного переживания и нравственной стойкости. Женские образы осмысляются не в рамках частного быта, а как часть общей исторической судьбы народа» [Некрасов, 1998]. Показательным является образ Дарьи в поэме «Мороз, Красный нос», где «соединяются тяжесть жизненных испытаний и внутренняя духовная сила, придающая страданию нравственное измерение» [Илюшин, 1998, с. 44]. Тем самым женская тема становится важным элементом художественного осмысления народного опыта.

Если попытаться охватить поэтическую систему Н. А. Некрасова целиком, она предстает как удивительно цельный сплав, казалось бы, несовместимых вещей: здесь и исповедь на грани нервного срыва, и памфлет, и бытовая зарисовка, и эпический взгляд на судьбы России. Как правило, именно такая внутренняя напряженность и позволяет поэзии перерасти рамки личного опыта – Н. А. Некрасов становится не просто голосом, а рупором

эпохи. И стоит заметить, что эту найденную им оптику (вглядывание в мужика без скидок и прикрас) И. С. Никитин примет не слепо, а по-своему переработает. Традиция, о которой идет речь, – не калька, а скорее матрица, дающая свободу для собственных открытий.

1.3. Некрасовская традиция изображения народа и ее трансформация в поэзии И. С. Никитина

Формирование устойчивой художественной традиции изображения народа в русской литературе XIX века связано не только с тематическим расширением круга изображаемой действительности, но прежде всего с изменением самого принципа художественного видения. «В поэзии Н. А. Некрасова народ перестает восприниматься как внешний по отношению к автору объект наблюдения и становится внутренним центром поэтического мира, определяющим интонацию, образную систему и нравственную направленность произведения. Это смещение художественной перспективы имеет принципиальное значение: изображение народной жизни превращается из частного мотива в структурный принцип поэтики, влияющий на организацию текста в целом. Именно поэтому исследователи рассматривают некрасовское творчество как один из ключевых этапов становления демократического реализма в русской литературе второй половины XIX века» [Еголин, 1958, с. 159].

Существенной особенностью данной традиции становится преобразование лирического субъекта. У Н. А. Некрасова поэтическое «я» перестает быть замкнутой величиной – оно размыкается, впуская в себя голоса сотен людей, и личное переживание вдруг оказывается частью общей истории. Как мне кажется, именно в этом и состоит главное открытие: художественное слово становится не просто исповедью, а способом общества взглянуть на себя со стороны. Эмоции здесь не теряются, а, напротив, насыщаются социальным звучанием – и лирика превращается не в уход от реальности, а в диалог с ней. И в этом диалоге, стоит заметить, огромную роль играет язык: разговорные

интонации, бытовые детали, живая, почти осязаемая речь делают стихи не «литературой», а продолжением жизни. Кстати, это не стилизация под фольклор и не «опрошение» – это сознательное обогащение поэтического языка, его возвращение к своим корням, к той самой народной стихии, без которой любое высокое слово звучит фальшиво.

Совокупность перечисленных признаков позволяет говорить о формировании целостной художественной модели, выходящей за пределы индивидуального авторского опыта. «Некрасовская поэтика начинает функционировать как литературная традиция, то есть как воспроизводимая система художественных принципов, способных развиваться в творчестве последующих писателей. При этом преемственность проявляется не столько в повторении тем или образов, сколько в сохранении способа художественного осмысления действительности, основанного на соединении социального анализа, лирической выразительности и нравственного обобщения» [Скатов, 1968, с. 74].

«Развитие данной традиции во второй половине XIX века связано с появлением поэтов, для которых изображение народной жизни становится центральным основанием художественного мира. Их творчество демонстрирует различные формы усвоения некрасовского опыта: от сохранения интонационной близости к народной речи до углубления психологической разработки внутреннего мира простого человека» [Черешнева, 2012, с. 13]. Тем самым традиция продолжает эволюционировать, раскрывая новые возможности художественного изображения социальной реальности.

Если приглядеться, поэзия И. С. Никитина уникальна хотя бы тем, что она родилась на пересечении двух мощнейших голосов эпохи. С одной стороны – А. В. Кольцов с его народной песенностью и почти молитвенной искренностью. С другой – Н. А. Некрасов с его гражданской страстностью, совестливой болью и силой слова, которое бьет наотмашь. Два разных импульса: лирика и сатира, песня и крик. Но И. С. Никитин, как мне кажется,

не просто скрестил их, а переосмыслил – и на выходе получилось нечто третье, цельное и узнаваемое.

Как и Н. А. Некрасов, он видит в народе опору и хранителя правды. Но показывает это иначе: без пафоса, без громких деклараций. Его стихи – не о событиях, а о жизни, о том, как люди выживают, страдают, но при этом умудряются не потерять себя. Это, конечно, роднит его с демократической линией литературы, но с одной важной поправкой: он добавляет в нее много лиризма. Стоит заметить, что И. С. Никитин как бы «сужает фокус» – он не обозревает народную жизнь сверху, а погружается в нее изнутри, вглядываясь в чувства и переживания каждого отдельного человека. И именно этот личный ракурс делает его поэзию такой пронзительной.

Народная судьба осмысляется не только как социальное явление, но и как пространство духовного существования личности. Благодаря этому художественный взгляд поэта соединяет общественную проблематику с индивидуальным чувственным опытом. Вместе с тем поэтика И. С. Никитина не повторяет некрасовскую модель буквально. Усвоенные художественные принципы подвергаются внутреннему преобразованию, связанному с усилением психологической сосредоточенности и эмоциональной мягкости интонации [Скатов, 1968, с. 120]. Если в поэзии Н. А. Некрасова значительную роль играет обличительная энергия, то у И. С. Никитина возрастает значение личного переживания народной судьбы, придающего изображению особую лирическую проникновенность. Такое различие свидетельствует о развитии традиции, а не о ее разрыве. Поэт стремится не столько к прямому социальному обобщению, сколько к раскрытию внутренней драмы человека, существующего в условиях исторической несправедливости. Эмоциональная выразительность его стихов строится на сочувствии и сопереживании, а не на резкой оценочной позиции. Тем самым художественная система приобретает более созерцательный и психологически углубленный характер.

Именно в соединении социальной направленности с углубленной лиричностью проявляется своеобразие художественного мира И. С. Никитина.

Его поэзия сочетает в себе песенную эмоциональность и социально-нравственный анализ, обогащая традицию изображения народа. Лирика теперь не просто отражает социальные проблемы, а вбирает их в себя и делает частью личных чувств. За счет этого появляется уникальный поэтический стиль, где общественные вопросы передаются личными интонациями.

Как отмечает В. А. Тонков, «подобное положение И. С. Никитина в литературном процессе делает необходимым обращение к конкретным условиям формирования его поэтического сознания» [Тонков, 1968, с. 102]. Чтобы понять, как некрасовская традиция повлияла на И. С. Никитина и как проявилась его собственная оригинальность, в следующей главе мы рассмотрим его жизнь, культурное окружение и художественные тенденции эпохи. Нам важно будет понять, как личный опыт соотносится с усвоенными художественными ориентирами того времени. Именно их взаимодействие объясняет своеобразие его поэтической позиции и индивидуального художественного метода.

Итак, мы подошли к тому моменту, когда общую картину пора сужать до конкретного лица – Ивана Саввича Никитина. Надо признать, что без погружения в его биографию и литературный круг общения наши наблюдения повиснут в воздухе: слишком многое в его поэзии рождается не из книг, а из прожитого дня. Как правило, за интонацией стоят не просто стиховые размеры, а личный опыт, среда, случайные встречи – все то, что превращает социальную боль в поэтическое содержание. Поэтому в следующем разделе мы проследим, как найденная Н. А. Некрасовым традиция преломляется уже в индивидуальной судьбе и голосе И. С. Никитина – без скидок на «влияние», с попыткой увидеть живой диалог двух поэтов.

Выводы по первой главе

В первой главе были рассмотрены истоки народной темы в русской литературе XIX века, основные черты некрасовской традиции изображения простого человека и ее трансформация в поэзии И. С. Никитина.

Анализ источников позволяет предположить, что народная тема в русской литературе XIX века представляет собой не статичный комплекс мотивов, а динамический процесс, эволюционирующий от фольклорно-этнографического интереса 1820–1830-х годов к острой социальной проблематике середины столетия. В этом потоке выделяются несколько сквозных мотивов: каторжный труд, социальное унижение, нравственная стойкость крестьянства и одновременно обличение помещичьего произвола. На этом этапе литература выполняла не столько эстетическую, сколько гражданскую миссию – она обличала, просвещала и стремилась изменить общественное сознание. Как отмечает Г. М. Фридлендер, именно в это десятилетие «народность» перестает быть отвлеченным понятием и превращается в принцип художественного мышления [Фридлендер, 1971, 46]. Эти наблюдения позволяют предположить, что обращение к народу в литературе середины XIX века становится не тематическим жестом, а фундаментальной мировоззренческой установкой.

Особого внимания заслуживает некрасовская традиция, рассмотренная во втором параграфе. Н. А. Некрасов выстраивает поэтическую систему, в которой просторечие, фольклорная интонация, сюжетность и герой – не былинский богатырь, а забитый, но не сломленный человек – становятся основными художественными средствами. В работах Н. Н. Скотова некрасовская школа предстает не как формальное объединение поэтов, а как метод художественного мышления, предполагающий гражданскую позицию, социальную проблематику и особую организацию поэтической речи [Скотов, 1968, 7–12]. Эта система стала эталоном для поэтов-демократов, но не как матрица для копирования, а как вызов для собственных художественных поисков.

В третьем параграфе было выявлено, что И. С. Никитин принимает некрасовскую традицию, но переплавляет ее: у него почти нет некрасовской иронии, а вместо нее трагизм, порой граничащий с безысходностью. Его лирический герой молчаливее, он скорее созерцает, чем обличает, больше

сострадает, чем гневается. И в этом он оказывается ближе к А. В. Кольцову, чем к Н. А. Некрасову: в нем сильнее лирическая стихия, внутреннее переживание, а не внешняя проповедь. Как отмечает Г. П. Черешнева, именно в этом расхождении и состоит ценность И. С. Никитина для литературного процесса: он усвоил уроки Н. А. Некрасова, но не стал его копией, а пропустил их через собственную художественную призму, что подарило русской поэзии нечто самостоятельное, пусть и менее громкое, но по-своему пронзительное [Черешнева, 2012, 12-15].

Таким образом, в первой главе решались задачи, связанные с выявлением истоков народной темы, характеристикой некрасовского подхода и определением общих принципов трансформации этой традиции в творчестве И. С. Никитина. Можно заключить, что обращение поэта к народной теме обусловлено не только литературным влиянием Н. А. Некрасова, но и глубинными биографическими и мировоззренческими причинами, которые будут рассмотрены во второй главе.

Глава II. ПЕРСОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И. С. НИКИТИНА

2.1. Биографические предпосылки и литературное окружение

До сих пор мы говорили о традиции как о чем-то общем, почти абстрактном. Но любая традиция оживает только тогда, когда попадает в живую человеческую судьбу – и вот тут-то и начинается самое любопытное. Судьба Ивана Саввича Никитина для этого подходит едва ли не идеально: его поэзия не вычитана в учебниках, а выстрадана в провинциальном быту, среди мещан и разночинцев, в постоянном поиске опоры – то ли в Боге, то ли в слове, то ли в народе, к которому он так и не смог примкнуть до конца. Вот почему, как мне кажется, разговор о его стихах стоит начинать не с рифм и размеров, а с того, кем он был, где рос и как жил, с кем дружил и против кого восставал. Стоит заметить, что без этого биографического ключа многие его интонации останутся для нас просто красивыми звуками, а ведь за ними – настоящая боль.

Художественное становление И. С. Никитина происходило в контексте демократической литературы середины XIX века и было связано с живым взаимодействием с современным литературным процессом. Иван Саввич Никитин родился 21 сентября 1824 года в Воронеже, в купеческо-мещанской семье. Его отец, владевший небольшой лавкой, принадлежал к среде «городских мещан, занимавших промежуточное положение между крестьянством и дворянской культурой. Эта социальная «пограничность» семьи во многом и определила дальнейшую судьбу будущего поэта. Он не знал крепостной зависимости, однако и доступа к культурным и образовательным привилегиям, доступным дворянскому сословию, он не имел» [Тонков, 1968, с. 102]. Такое положение вещей объясняет характер творчества поэта: быт простого народа он изображает изнутри, потому что сам происходил из такой же социальной среды и на собственном опыте познал ее тяготы.

Детство И. С. Никитина проходило в условиях постоянного труда и ограниченных возможностей. Жизнь купеческой семьи не избавляла от лишений: доходы были неустойчивыми, торговое дело требовало экономии и

труда всех членов семьи. Уже с ранних лет И. С. Никитин был вовлечен в хозяйственные заботы, что формировало у него глубокое понимание тяжести повседневного труда. Этот жизненный путь глубоко сформировал его взгляды, «сделав обращение к простому человеку естественной чертой его поэтики» [Гаркави, 1955, с. 95]. В дальнейшем именно темы труда, тягот и народной стойкости заняли центральное место в его произведениях, наполняя их подлинностью и убедительностью.

Пожалуй, самое драматичное обстоятельство биографии И. С. Никитина – это его незаконченное образование. В отличие от дворянских детей, для которых учеба была пропуском в большую культурную жизнь, он был обречен на фрагментарный путь: домашнее обучение, приходское училище и Воронежская духовная семинария, которую он так и не окончил. И как ни странно, именно этот образовательный разрыв, ставший источником боли и неполноценности, в конечном счете и сформировал его как поэта. И. С. Никитин не мог позволить себе систематического образования, но он компенсировал его чтением – историей, философией, этнографией, делал записи, впитывал все, до чего мог дотянуться. И благодаря этой вынужденной самостоятельности, его стиль приобрел ту самую простоту и искренность.

Не менее важным оказался и семейно-религиозный фон. Как справедливо отмечает авторская справка из «Русских писателей», купеческо-мещанская среда XIX века была крепка церковными устоями, и в этой атмосфере И. С. Никитин рос – отсюда в его ранней поэзии мотивы смирения, испытания и религиозного упования. Позже, как правило, к ним добавляется социальная критика, но православный пласт не исчезает: он уходит вглубь, становится фундаментом, на котором держится все его восприятие народного страдания [Русские писатели, 1990, с. 86].

Стоит заметить, что уважение к труду у И. С. Никитина – не идеологическая поза, а прожитое. Он с детства знал, что такое физическая работа, и потому писал о ней без слащавости, без лишнего пафоса, с той внутренней правдой, которую не вычитаешь в книгах. Именно поэтому его

стихи так точно передают связь простого человека с землей и делом – она у него не декларируется, а проступает в каждой строчке.

И еще один ключевой источник, о котором нельзя забывать, – его собственные записи. И. С. Никитин начал вести дневник рано, и эти заметки вылились в «Дневник семинариста» – повесть, где биография обнажена почти до исповедальности: голод, изоляция, отсутствие поддержки – все это не выдумка, а прожитые годы. Так что, жизненный опыт для него был не фоном, а главным материалом, который он переплавлял в поэзию.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и среду, в которой он рос. Воронеж первой половины XIX века был городом-перекрестком, живым узлом, где сталкивались купечество, мастера, крестьяне их окрестных сел – и вместе с товарами сюда ввозились песни, обряды, устная традиция. Эта смесь «низовой» народной культуры с городским бытом создала ту уникальную призму, через которую И. С. Никитин смотрел на мир. Ярмарки, гулянья, уличные спектакли – все это он видел, впитывал и потом переносил в стихи. Не случайно его картины сельского быта, где частная история персонажа всегда вплетена в жизнь города и деревни, рождаются именно из этих впечатлений. Взять хотя бы знаменитое «Ехал из ярмарки ухарь-купец» – это не просто жанровая сценка, а срез целой среды, увиденной глазами человека, который вырос в ее гуще:

Ехал из ярмарки ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Стал он на двор лошадей покормить,
Вздумал деревню гульбой удивить.

Оно показывает, каким образом И. С. Никитин привлекает мотивы из народной жизни для формирования выразительных и ярких образов в своих стихах, что также отразилось и в стихотворении «Пахарь»:

С ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идет – понурил голову,

Мужичок идет – шатается...

Здесь поэтом показана картина тяжелого труда: на фоне идиллического пейзажа появляется уставший до изнеможения пахарь. Раскрывается тема безысходности и бесправия крестьянина. Добролюбов считал это стихотворение одним из лучших в сборнике И. С. Никитина.

В «Бурлаке» же цель автора – не столько показать каторжный труд, сколько поэзию вольной и удалой жизни на Волге, противопоставив ее беспросветной нужде. Это рассказ в стихах о тяжелой судьбе крестьянина-бедняка о том, как он потерял жену и сына, разорился и ушел в бурлаки, чтобы заглушить горе:

Эх, приятель, и ты, видно, горе видал,
Коли плачешь от песни веселой!
Нет, послушай-ка ты, что вот я испытал,
Так узнаешь о жизни тяжелой!

Девятнадцати лет, после смерти отца,
Я остался один сиротою...
В этом стихотворении

Воронеж был также центром образования и культурной активности провинциальной интеллигенции. Существовали небольшие библиотеки, частные книжные собрания, учительские кружки и религиозные школы. Именно здесь И. С. Никитин впервые столкнулся с идеями просвещения и литературы, которые не были доступны большинству его сверстников. «Доступ к печатным изданиям позволял ему расширять кругозор и знакомиться с произведениями современных поэтов и мыслителей. Знакомство с местными интеллектуальными кругами сыграло ключевую роль в развитии у И. С. Никитина способности к критическому анализу и формировании начальных литературных ориентиров. Именно через это взаимодействие он приобрел импульс для утверждения демократических

взглядов, близких к изображению народной жизни, которые позже стали основой его творчества» [Пивоварова, 2016, с. 270]. Важным этапом профессионального роста стал выход его работ в периодической печати: в начале 50-х годов стихи и проза И. С. Никитина появлялись в таких изданиях, как «Москвитянин», «Отечественные записки», «Русская беседа», «Современник» и «Русское слово». Эти журналы отражали широкий спектр политических и литературных позиций, от консервативных до радикально-демократических. Участие на их страницах позволило И. С. Никитину не только заявить о себе, но и вступить в продуктивный диалог с ведущими критиками и литераторами эпохи, что существенно ускорило его становление как профессионала.

Первые публикации И. С. Никитина в ведущих литературных журналах 1850-х годов сразу привлекли внимание критиков и литературного сообщества. В частности, Н.Г. Чернышевский в рецензии на сборник «Стихотворения» (1856) отметил наличие литературного дара у поэта, однако указал на недостатки в проблемно-тематической стороне его стихов. Критик обращал внимание на зависимость раннего творчества И. С. Никитина от дворянской литературной традиции и идеологии господствующего класса, а также на недостаток самобытности и живого жизненного материала, который мог бы исходить из непосредственного наблюдения за социальной действительностью. Особое внимание Чернышевский уделил предисловию к сборнику, написанному Д.Н. Толстым, критикуя попытки представить религиозные и идиллические стихи И. С. Никитина как «голос народа». Он считал, что «для подлинного творчества поэту необходимо оставив на время сочинение стихов, ждать, пока жизнь разбудит в нем мысль и чувство, не вычитанное из книг и не заученное, а свое собственное, живое, от которого бьется сердце, а не только скрипит гусиное или стальное перо» [Чернышевский, 1906, с. 10]. «Ограничения цензуры не позволяли Чернышевскому полностью выразить свое мнение, но его критика ясно фиксировала несогласие с попытками представить И. С. Никитина

исключительно как выразителя народной поэзии. Вместе с тем, она обозначила направления для дальнейшего развития поэта, стимулируя его обращаться к реальной жизни и социальным проблемам, что впоследствии стало отличительной чертой его творчества» [Фенчук, 2023]. Знакомство И. С. Никитина с другими поэтами, критиками и литературными обозревателями, как воронежскими, так и московскими, служило для него источником интеллектуального обмена и моральной поддержки, что открывало ему доступ к обсуждению современных эстетических направлений и освоению методов сравнительного исследования. Сопоставляя собственное творчество с творчеством Н. А. Некрасова и А. В. Кольцова, И. С. Никитин выработал «оригинальный почерк, в котором индивидуальное переживание неразрывно связано с социальными мотивами, а народная песня приобретает новые демократические краски» [Ямпольский, 1956, с. 11].

«Взаимодействие с интеллектуальными и литературными кругами, критическая оценка современников и первые отзывы читателей создали условия для постепенного утверждения И. С. Никитина как автора, способного соединять биографическое начало, наблюдения за жизнью народа и художественное осмысление социальной действительности» [Кузнецов, 1991, с. 71].

Обучение в духовной семинарии стало поворотным моментом в жизни И. С. Никитина. С одной стороны, оно приучило его к регулярному чтению и кропотливой работе с текстами, с другой – обернулось глубоким внутренним конфликтом: схоластическая программа не давала такого живого знания, которого он так жаждал. Исключение из учебного заведения было для него тяжелым ударом, но оно же, как ни парадоксально, и определило всю его дальнейшую судьбу. Лишившись шанса на церковную карьеру, он оказался в мире физического труда, и это сближение с народом стало уже не внешним наблюдением, а естественной средой обитания. Как правило, этот опыт прямо проецируется на его поэзию: его герои такие же отчужденные, выбитые из привычной колеи люди, живущие на грани нужды и отчаяния.

После исключения из семинарии И. С. Никитин полностью ушел в самообучение. Он жадно читал все: от художественной прозы до философских трактатов и исторических трудов. Надо признать, что книга стала для него не просто источником информации, но стала убежищем, той самой опорой и поддержкой, которая не давала рассыпаться в трудные моменты жизни. В «Дневнике семинариста» он прямо пишет, что чтение помогало «сохранять рассудок среди нужды и унижений» [Чернышевский, 1906, с. 10]. И этот постоянный рост – интеллектуальный, духовный, личный – превратился в своеобразную форму сопротивления: он не мог изменить обстоятельства, но мог вырасти над ними. Именно это и стало фундаментом его будущего как поэта.

Что касается мировоззрения, оно формировалось не столько книгами, сколько самой жизнью. И.С. Никитин видел Воронеж и его окрестности изнутри, он не «наблюдал за бытом», он в нем жил. Ранний труд, помощь семье и каждодневное общение с крестьянами и ремесленниками воспитали в нем то, что невозможно вычитать: острое чувство справедливости, глубокое уважение к труду и почти болезненную чуткость к социальной несправедливости. И уже в юности, судя по дневникам, он пробовал себя в самых разных жанрах – от бытовой и религиозной лирики до философских и социальных размышлений.

И еще один важный фактор, который часто упускают из виду, это влияние демократической критики середины века. Внимание к жизни «низов», к социальным язвам, особенно в преддверии отмены крепостного права, – это не просто веяние времени, а тот самый резонанс, который нашел отклик в душе И. С. Никитина. Его изучение истории, этнографии и народной культуры не было академическим интересом – это был способ понять и описать ту реальность, в которой он жил, придать ей форму и осмысленность. И на мой взгляд, ему это удалось.

Если подвести итог, творческий метод И. С. Никитина не родился на пустом месте – он вызревал в атмосфере напряженного самообразования и

живого общения с литературной средой. Надо признать, что фундамент его взглядов оказался на редкость прочным: он вбирал в себя и православную культуру, и увлечением историей с этнографией, и, что, как правило, остается за скобками, пристальное чтение демократических критиков, которые задавали ему социальный градус. Это сочетание книжного и личного позволило поэту превратить собственный бытовой опыт, порой горький, почти унижительный, в полноценную картину социальной драмы. И здесь я склонна согласиться с Г. М. Фридлендером, который точно замечает, что «важнейшим фактором развития уникальной поэтики стало литературное окружение поэта: общение с наследием Н. А. Некрасова и А. В. Кольцова, рецензии Н. Г. Чернышевского и публикации статей в главных журналах помогли утвердиться его демократической позиции» [Фридлендер, 1971, с. 165]. Мне кажется, именно это тройное сплетение, вычитанное, пережитое и услышанное в литературных кругах, и сделало голос И. С. Никитина по-настоящему уникальным. Он заговорил не от лица столицы, а от той самой провинциальной России, которая редко звучит так искренне, соединяя в себе «почвенническую» тоску по корням и острую социальную чуткость.

2.2. Особенности рецепции некрасовской традиции в произведениях А. В. Кольцова и формирование художественной манеры И. С. Никитина

Творчество А. В. Кольцова сыграло ключевую роль в формировании художественной манеры И. С. Никитина. Как отмечали современники и литературные критики, именно поэзия А. В. Кольцова послужила для молодого воронежского поэта своеобразным ориентиром, открывшим возможность соединения народной песни и личного эмоционального опыта, что было крайне актуально для представителей русской поэзии середины XIX века, стремившихся преодолеть искусственность книжной традиции и приблизить литературу максимально близко к живой разговорной речи простого народа. Для И. С. Никитина знакомство с А. В. Кольцовым стало

школой поэтической искренности и непосредственности. Уже современники А. В. Кольцова отмечали уникальное сочетание «простоты и истинности» его стихов. В. Г. Белинский писал, что в его песнях «сама народная душа говорит» и что «никто так правдиво и просто не выразил чувства народа, как А. В. Кольцов» [Белинский, 1914, с. 169]. Для И. С. Никитина это суждение было принципиально: через поэзию земляка он видел возможность преодолеть границу между «литературным» и «народным».

Здесь необходимо отметить, что значение А. В. Кольцова для литературы XIX века выходило далеко за пределы художественной формы. Он сумел создать поэзию, в которой народные мотивы не растворялись в стилизациях, а приобретали силу глубоко личного, интимного лиризма. Эта особенность оказалась чрезвычайно привлекательной для И. С. Никитина, ведь он сам «стремился выразить в стихах и свою собственную судьбу, и судьбу тех людей, среди которых жил и вырос.

Лирическая непосредственность А. В. Кольцова стала для И. С. Никитина не только примером художественного приема, но и подтверждением возможности «народного» поэта говорить от лица целого сословия» [Гинзбург, 1974, с. 144].

Важно подчеркнуть, что А. В. Кольцов утвердил в русской литературе новый тип жанра – «песня в стихотворении». Это была «не подражательная фольклорная стилизация, а подлинная адаптация народной формы к авторскому переживанию» [Воронежский литературный музей, 2025]. Таким образом, влияние А. В. Кольцова проявилось прежде всего в освоении формы, а уже затем в разработке содержания.

Стихотворение И. С. Никитина «Встреча зимы», написанное в разгар Крымской войны, друзья поэта назвали подражанием А. В. Кольцову, и оно сначала не понравилось автору (он боялся выглядеть «в смешном наряде»). Однако именно оно стало очень популярным и было положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым и Р. М. Глиэром.

Биография А. В. Кольцова также играла для И. С. Никитина роль своеобразного ориентира. Сам А. В. Кольцов происходил из купеческой среды, был далек от дворянской литературной традиции и потому воспринимался как «свой» для простых людей. Тот факт, что выходец из провинциальной семьи сумел войти в большую литературу, не мог не вдохновить И. С. Никитина, чья жизнь складывалась в сходных условиях. Именно поэтому влияние А. В. Кольцова ощущалось не только в творчестве, но и в самом мироощущении И. С. Никитина, для которого пример земляка становился доказательством возможности творческого самовыражения в условиях социальной замкнутости.

«Биографический параллелизм с А. В. Кольцовым усиливался еще и тем, что оба поэта работали в условиях провинции. Воронеж как город не был крупным культурным центром, и потому оба поэта создавали литературу в ситуации «провинциальной замкнутости». Этот фактор сам по себе стал важным: он формировал ощущение «местного голоса», отличного от столичной риторики. У И. С. Никитина, как и у А. В. Кольцова, поэзия становилась способом «выхода из провинциальности» и включения в широкий литературный процесс» [Прядкин, 1902, с. 7].

Уже первые стихотворные опыты И. С. Никитина показывают, что он стремился к той же простоте и музыкальности стиха, которая так ярко проявлялась у А. В. Кольцова. В ранних стихах И. С. Никитина почти всегда ощущается стремление к народной интонации: в них нет искусственной книжности, но присутствует ритмическая плавность и мелодичность, свойственные народной песне. Именно благодаря этим особенностям его стихи воспринимались не как подражание высоким образцам, а как голос, идущий из среды, близкой читателю. Тем самым И. С. Никитин закреплял за собой статус поэта, продолжающего традицию «подлинной народной поэзии».

Тем не менее уже в первых опытах заметно различие между И. С. Никитиным и А. В. Кольцовым. Если «А. В. Кольцов стремился к созданию гармоничной картины народных чувств, в которых преобладали мотивы

песенной радости и грусти», то «И. С. Никитин вносил в свои строки более напряженное, драматическое звучание. Его лирика часто окрашена мотивами тоски, социальной обреченности, ощущением внутреннего конфликта». Таким образом, «заимствуя у А. В. Кольцова форму и песенную плавность, И. С. Никитин наполнял ее иным содержанием, более остро отражавшим социальные и психологические проблемы времени» [Лебедев, 2020, с. 469].

Здесь важно различить тональность. «У А. В. Кольцова грусть чаще носила меланхолично-созерцательный оттенок, тогда как у И. С. Никитина она приобретала социальный характер, тесно связываясь с нищетой, нуждами и ограниченностью крестьянского быта («Пахарь»). В связи с этим, его эмоциональность отличалась большей «тяжестью» и сближалась с к проблематикой Н. А. Некрасова. Исследователи подчеркивают, что именно это отличие делает творчество И. С. Никитина более «современным» в контексте 1850-х» [Зарин, 1904, с. 856].

Исследователи отмечают, что И. С. Никитин унаследовал от А. В. Кольцова не столько конкретные сюжеты, сколько уникальный дар улавливания и передачи народного голоса. Это событие для И. С. Никитина стало основным: в его поэзии народная речь переставала быть просто стилистическим приемом, став живой тканью произведения. Важную роль играет и лингвистическая сторона вопроса. В стихах И. С. Никитина намеренно вводятся диалектизмы, призванные подчеркнуть «подлинность» речи. Придерживаясь заданного А. В. Кольцовым пути, поэт пошел дальше, стремясь максимально точно отразить реальные черты разговорного языка Воронежской губернии. Такой прием делал его поэзию не только близкой к народу, но и этнографически точной. Он сумел сделать так, что простое слово звучало с той же поэтической силой, что и изысканная литературная метафора. Именно эта особенность позволяет увидеть в И. С. Никитине не подражателя А. В. Кольцова, а самостоятельного художника, продолжившего его традицию на новом уровне. Музыкальность для И. С. Никитина имела не только эстетическую, но и структурную функцию. Его ритм часто построен по

принципу двестиший и троек, что сближает текст с народной песней, рассчитанной на пение. Это делает его стихи «звучащими» и помогает понять их популярность в устном бытовании. Влияние А. В. Кольцова здесь очевидно: именно он впервые показал, что «песенная форма» может стать полноценным элементом литературного текста.

Прямая связь с традицией А. В. Кольцова ярко проявляется и на уровне образности. В стихотворении «Зашумела, разгулялась...» И. С. Никитин писал:

Белым снегом принакрылась,
Не осталось следу.
Поднялася пыль и вьюга,
Не видать и свету.

Чередование размерности и рифмы придает музыкальность и легкость произведению. Важным является то, что мелодичность словно «оживляет» стих, наполняя его подлинным чувством. Еще одной линией влияния стала пейзажная образность. А. В. Кольцов в своих произведениях часто вводил пейзаж как эмоциональный фон, и И. С. Никитин унаследовал эту традицию. Но если у А. В. Кольцова природа чаще гармонична, то у И. С. Никитина она нередко драматизируется: метель, стужа, мрак сопровождают сцены бедности. Таким образом, «кольцовская» традиция обрела у И. С. Никитина более острый социальный подтекст.

Подобные строки свидетельствуют о том, что для И. С. Никитина песня играла роль медиатора между личным чувством поэта и коллективным переживанием народа. В них слышится и личная интонация автора, и отголосок народного хора, которому он будто бы предоставляет право говорить через собственные стихи. Это делает его поэзию одновременно глубоко личной и общенародной, что в полной мере соответствует тенденциям демократической литературы середины XIX века. Здесь проявляется одно из ключевых отличий И. С. Никитина от поэтов дворянской школы, которые, как правило, обращались к народной теме с позиции наблюдателя, а не участника.

Кроме того, обращение к народной песне позволяло И. С. Никитину подчеркнуть искренность и простоту своей поэзии. Критики отмечали, что «в стихах И. С. Никитина отсутствует «литературная условность» – та самая черта, за которую часто упрекали авторов дворянского происхождения. Фольклорные мотивы не только насыщали его творчество эмоциональной глубиной, но и убеждали аудиторию в подлинности выражения народного духа. Именно эта особая гармония личного и общественного начала, заметная в стихах И. С. Никитина, выступает ключом к пониманию его уникального художественного стиля» [Тонков, 1968, с. 121].

Немаловажно и то, что А. В. Кольцов, тесно связанный с крестьянской средой, в сущности оставался лириком, воспевающим универсальные человеческие переживания: любовь, разлуку, грусть, счастье. Эти вечные темы формировали основу его творчества и позволяли ему подниматься над узкими социальными рамками. В противовес ему, И. С. Никитин в своих стихах все чаще фокусировался на конкретных социальных реалиях народной жизни, акцентируя внимание на ее тяготах, нищете и несправедливости. Разница в их творческих подходах обусловлена как историческим контекстом, так и биографией: А. В. Кольцов творил в эпоху, когда демократические веяния еще не были столь острыми, тогда как И. С. Никитин жил уже в эпоху обострения социальных конфликтов.

Творчество И. С. Никитина отличается более острым восприятием социальной действительности. В жизни народа он видел не только чувства и эмоции, но и страдания, вызванные эксплуатацией и бедностью. В его поэзии стали все чаще звучать образы бедности, социального неравенства и угнетения, дополняя привычные мотивы печали и счастья, благодаря чему творчество И. С. Никитина обрело отчетливую социальную окраску, не утратив при этом простоты песенного слога.

Влияние А. В. Кольцова стало для И. С. Никитина не конечной целью, а отправной точкой. Наследуя предшественнику мелодичность стиха и любовь к народной речи, И. С. Никитин переработал эти черты в основу собственной

социальной лирики. Его поэзия сохранила живость и правдивость, но при этом приобрела новую глубину, пронизанную критикой общественных явлений, что и отличает И. С. Никитина как поэта, чьи личные мотивы тесно связаны с социальными проблемами эпохи.

Таким образом, творческое наследие А. В. Кольцова отразилось в поэзии И. С. Никитина прежде всего через музыкальность строки, опору на фольклорные корни и способность воссоздавать эмоциональный колорит народной жизни. При этом важно подчеркнуть, что эти приемы не были слепо скопированными: И. С. Никитин творчески переработал их, насытив поэзию собственным жизненным опытом и наблюдениями, благодаря чему кольцовская традиция стала фундаментом для собственного художественного пути И. С. Никитина, где центральное место заняло единство личного переживания и социального осмысления. В историческом контексте влияние А. В. Кольцова на И. С. Никитина выступает как проявление «внутренней преемственности» демократической лирики. Если А. В. Кольцов закрепил за народной песней право звучать в литературе, то И. С. Никитин продемонстрировал, что она способна выражать не только чувства, но и социальные страдания. Таким образом, И. С. Никитин сыграл роль связующего звена между А. В. Кольцовым и Н. А. Некрасовым, у которого народная песня трансформировалась в орудие прямой социальной борьбы.

С самого начала, и это бросается в глаза, И. С. Никитин не просто берет кольцовские интонации, а словно бы переплавляет их в нечто качественно новое. Связь между этими поэтами, как мне кажется, куда сложнее ученичества: это живой диалог, в котором ученик не столько заимствует, сколько спорит с учителем, насыщая его песенный язык остротой, почти невыносимой социальной болью. Надо признать, что без кольцовой основы художественный мир И. С. Никитина, возможно, не обрел бы той корневой системы, которая позволила ему удержаться в литературе. Но именно «жесткая социальная окраска», которой он покрывает народное слово, и делает его оригинальным – он уходит от кольцовой созерцательности в

сторону гражданской страстности. Как правило, влияние такого рода называют толчком к развитию, но здесь я бы сказала иначе: А. В. Кольцов стал для И. С. Никитина не трамплином, а зеркалом, вглядываясь в которое поэт увидел собственную, совсем иную дорогу. И, пожалуй, точнее всех эту мысль сформулировала Г. П. Черешнева, отмечая, что «лирическое начало, воспринятое от А. В. Кольцова, стало основой для создания его уникальной социальной лирики, в которой индивидуальное чувство соединилось с переживанием судьбы народа. Именно это соединение и определяет его место в русской литературе XIX века» [Черешнева, 2008, с. 152]. Я бы добавила к этому лишь одно: И. С. Никитин не просто соединил – он пропустил это соединение через собственную боль, и потому оно звучит так пронзительно.

2.3. Социальная проблематика в творчестве И. С. Никитина. Поэма

«Кулак» как пример синтеза социальной и лирической линии

Во второй половине 1850-х годов в творчестве И. С. Никитина все более отчетливо обозначается интерес к социальным темам. Его ранние стихотворения, где преобладали пейзажные и интимно-лирические мотивы, постепенно уступают место сюжетам, связанным с жизнью простого народа. Внимание поэта сосредотачивается на «низах» общества – бедняках, ремесленниках, крестьянах, вынужденных ежедневно бороться за существование. Такой выбор не случаен: именно в эти годы в русской литературе складывается демократическое направление, ориентированное на изображение повседневных нужд и страданий. И. С. Никитин органично включается в эту тенденцию, однако делает это по-своему – через соединение социальной проблематики с лирическим чувством, что позволяет говорить о его особом месте в демократической поэзии середины XIX века.

Ключевым для поэтики И. С. Никитина становится интерес к механизмам, ведущим к обнищанию народа. В поэме «Кулак» и других произведениях этого периода он показывает, что разрушение человеческой судьбы происходит не внезапно, а через систему повседневных практик:

ростовщичество, мелкий обман на рынке, домашняя тирания. Все это складывается в целостную картину народной жизни, где «мелкое» оказывается главным. Такой подход роднит И. С. Никитина с «натуральной школой», но его особенность заключается в том, что поэт не ограничивается протокольным изображением фактов. Для него важнее передать внутреннее ощущение народа, показать, как каждодневная нужда отражается на психологии, на нравственном состоянии человека.

Исследователи справедливо подчеркивают, что «обращение И. С. Никитина к социальной тематике не было внешним публицистическим жестом. Оно вытекало из его мировоззрения, из глубинного переживания за судьбу народа. Его лирический герой, даже говоря от первого лица, не замыкается на личных чувствах, а всегда оказывается включенным в общую народную судьбу. Эта особенность особенно ощутима в «Кулаке»: поэт говорит не только «о других», но и «за других», соединяя личный голос с коллективным. Именно это роднит его с традицией народной песни, где личное всегда оборачивается общим» [Добролюбов, 1962, с. 138]. Таким образом, социальное и личное в его поэтике оказываются неразделимыми.

Именно поэтому «Кулак» занимает в корпусе И. С. Никитина центральное место. В нем впервые в полном объеме реализовалось соединение наблюдений за реальной жизнью с искренним лирическим чувством. С одной стороны, поэма дает социальный срез деревенского быта и фиксирует типичный образ кулака как ростовщика и деспота. С другой стороны, текст окрашен сильной эмоциональной интонацией: в описаниях страданий вдов, сирот, бедняков слышится сочувствие и боль самого поэта. Это делает произведение не просто обличением, но и «народной исповедью», где социальная тема приобретает глубокий личностный смысл. В этом и заключается сила «Кулака»: он показывает, что литература способна быть одновременно художественной и общественно значимой.

Работа над поэмой «Кулак» заняла у И. С. Никитина несколько лет. Начав ее еще в 1854 году, он неоднократно возвращался к тексту, доводя его

до завершенного вида. Первые редакции сохранили в себе черты черновой остроты, но к 1856 году поэт добился большей художественной цельности, а в 1857-м внес существенные изменения, придавшие поэме характер законченного произведения. Этот факт сам по себе значителен: он свидетельствует, что «для И. С. Никитина «Кулак» был не случайной попыткой, а программным произведением, в котором он хотел выразить важнейшие для себя мысли и наблюдения. Многоступенчатая работа над текстом показывает, что поэт стремился не только к содержательной, но и к нравственно-художественной точности» [Черешнева, 2012, с. 18].

О долгой работе над замыслом свидетельствуют и авторские реминисценции, включенные в сам текст. В них слышится отзвук разных этапов жизни поэта, его собственных наблюдений и личного опыта. Эти вставки придают поэме документальную достоверность, а вместе с тем подчеркивают, что социальная проблематика была для И. С. Никитина не отвлеченным материалом, а глубоко личным переживанием. В образах бедняков, вдов, сирот отражены не только обобщенные социальные типы, но и те конкретные судьбы, которые поэт мог видеть в повседневной жизни Воронежа и его окрестностей. Таким образом, «Кулак» предстает как произведение, выросшее из самой действительности, но одновременно переработанное художественным сознанием.

Особое значение в структуре поэмы имеет эпитафия, взятый И. С. Никитиным из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта»:

Все благо и прекрасно на земле,
Когда живет в своем определенье;
Добро везде, добро найдешь и в зле.
Когда ж предмет пойдет по направленно,
Противному его предназначенью,
По сущности добро, он станет – злом.
Так человек: что добродетель в нем,
То может быть пороком.

В нем содержится мысль о том, что человек должен жить «по назначению», не превращая добродетель в ее противоположность. Эта нравственная установка становится важной рамкой всего произведения. И. С. Никитин не ограничивается простым изображением кулака как социального типа; он стремится показать нравственное перерождение, когда изначально положительные качества — хозяйская смекалка, трудолюбие, предприимчивость — под давлением алчности и безнравственности оборачиваются в свою противоположность. Таким образом, эпиграф выполняет не только декоративную, но и идейную функцию: он задает ключ к пониманию внутренней логики поэмы.

Важнейшая мысль, проходящая через весь текст, заключается в том, что И. С. Никитин исследует не исключительный, редкий порок, а типичное разложение нравственного начала в условиях «нужды, невежества и разврата». Образ кулака не сводится к карикатурному ростовщику; напротив, это человек, у которого бытовые качества, изначально полезные для крестьянской среды, становятся источником разрушения, когда они лишены морального основания. В этом кроется сила художественного обобщения: И. С. Никитин показывает, что зло рождается не извне, а вырастает изнутри самой деревенской жизни. Его задача состоит в том, чтобы зафиксировать процесс перерождения добродетели в порок, продемонстрировать, как среда и социальные обстоятельства способны деформировать человеческий характер. Именно это делает «Кулак» не только социальным, но и философско-нравственным произведением.

Поэма имеет сложную композицию, состоящую из двадцати одной главы. Ее структура соединяет в себе повествование о судьбе конкретной семьи и лирические отступления автора. Такая форма позволяет И. С. Никитину избежать сухого изложения фактов и придать произведению многогранность: читатель одновременно следует за сюжетной линией и слышит голос поэта, оценивающего происходящее. Введение в поэму выполняет роль экспозиции: в первых главах очерчивается деревенская среда,

быт, обычаи, атмосфера, в которой развивается конфликт. Уже здесь задается общий тон произведения – сочетание социального анализа и эмоциональной вовлеченности, что характерно для поэтики И. С. Никитина середины 1850-х годов.

Развитие действия строится на постепенном нагнетании противоречий. На первый план выходит образ кулака, чья алчность и жестокость разрушают устоявшийся порядок. В центре конфликта оказывается семья, чья жизнь подвергается разрушению из-за хищнических интересов. Кульминацией сюжета становится эпизод насильственного сватовства: здесь драма достигает наибольшего напряжения, так как враждебная сила вторгается в интимную сферу человеческой жизни. И. С. Никитин показывает, что эксплуатация и корысть подрывают не только материальное существование, но и нравственные устои крестьянской общины. Эпилог завершает произведение, показывая трагические последствия спустя два года: судьбы героев искалечены, а социальное зло продолжает свое существование.

«Одним из важнейших приемов композиционной организации становятся пейзажные параллели. Природа в поэме не является простым фоном событий, напротив, она «созвучна» внутреннему состоянию персонажей» [Белова, 2005, с. 114]. «Смена времен года, детали крестьянского пейзажа, описания сельских видов – все это выступает не только как иллюстрация, но и как символическое сопровождение драмы. В моменты тревоги и напряжения природа изображается суровой, холодной, безрадостной; в эпизодах надежды или мечты она приобретает мягкие, светлые краски» [Есаулов, 2004, с. 502]. Таким образом, пейзаж выполняет функцию этического комментария, помогая читателю глубже понять психологию героев и нравственный смысл действия.

Такое сочетание бытовых зарисовок, психологических портретов и лирических отступлений наделяет поэму многогранностью. С одной стороны, перед читателем предстает социальная драма, в фокусе которой механизмы эксплуатации и социальное неравенство. С другой, повествовательный голос

и пейзажные образы приносят в текст лирическую интонацию, превращая социальное обличение в художественное высказывание. Эта двойственная природа обуславливает эстетическую силу поэмы «Кулак»: произведение совмещает в себе функции социального хроника и искренней лирической автобиографии, благодаря чему И. С. Никитин смог утвердиться как значимая фигура в эволюции демократического литературного течения второй половины XIX века.

И. С. Никитин не рисует кулака как добросовестного владельца или делового торговца. Перед читателем классический перекупщик, который живет за счет мелких обманов, давления на слабых и использования чужих трудностей. В критике справедливо подчеркивается, что «это «легализованный мошенник», глубоко укоренившийся в быту села и города, где бедность и неграмотность порождают подобных людей» [Веселовский, 1989, с. 62]. Этот аспект крайне важен: поэт не делает героя исключительным злодеем, а демонстрирует его как «продукт среды», где социальные болезни становятся нормой. Жестокость такого персонажа становится «будничной», а именно эта «обыденность зла» и придает его облику особую пугающую силу.

Внешность героя описана И. С. Никитиным через детальные натуралистичные штрихи.

...Сюртук до пят, в плечах просторен,
Картуз в пыли, ни рыж, ни черен,
Спокоен строгий, хитрый взгляд,
Густые брови вниз висят,
Угрюмо супясь. Лоб широкий
Изрыт морщинами глубоко,
И темен волос, но седа
Подстриженная борода...

Эти детали лишены романтического ореола: «они не формируют харизматичный образ, а напротив, «приземляют» его, демонстрируя обычного, грубого и телесно «отученного от героики» человека» [Сидоров, 2021]. Деталь

«сюртук до пят» призвана подчеркнуть «важность» образа, но изрытый морщинами лоб и угрюмость выдают в герое внутреннюю тяжесть и холодное упрямство. Следовательно, портрет предназначен не для эстетического восприятия, а для раскрытия истинной сути персонажа.

Поведение Лукича обнажают в нем домашнего тирана, который одновременно выступает в роли «социального наставника» насилия. В семье он говорит языком безусловной власти: «Как! я не властен в доме своем?» – эти слова звучат как оправдание любого произвола. Но за пределами дома регистр речи меняется: перед господами он звучит униженно и заискивающе. И. С. Никитин приводит слова: «Мы, господа, что? – черви пред вами...». Здесь обнажается двойственность: с теми, кто выше по социальной лестнице, герой подобострастен, но все накопленное раздражение и агрессию срыгает на тех, кто ниже. В итоге обе позиции – властная и униженная – сводятся к одной сути: к способности причинять боль слабому и к полной беспомощности перед сильным. Получается, образ кулака строится на контрасте: он одновременно и деспот, и раб. Его внутреннего мира И. С. Никитин почти не показывает, характер раскрывается через жесты и речь. Это важно: поэт не делает кулака «героем» психологической драмы, а рисует его как типический механизм угнетения. Жестокость здесь не окрашена демоническим ореолом, а показана в ее повседневной банальности. В этом заключается новаторство И. С. Никитина: он разрушает соблазн «романтизировать» зло, показывая его в форме обыденного бытового насилия.

Особую роль в поэме играет изображение жертв кулака и «механика» разрушения их судеб. Первая фигура – Арина, жена героя, обозначенная как «бедная Арина». Ее существование сведено к бесконечной «стряпне» и «вязанью», к заботам, которые «сушат мозг» и «в гроб сводят». И. С. Никитин, по сути, создает каталог мелких, но постоянных бытовых тягот, из которых и складывается разрушение жизни. Это не риторический пафос, а фиксация реальности, где женщина оказывается «сломленной» не одним событием, а

многолетним изнуряющим бытом. Другой жертвой выступает дочь Саша, чья трагедия окрашена иначе. И. С. Никитин подчеркивает ее красоту:

Коса, что черная смола,
Как белый воск, рука бела...»

Но эта красота противопоставляется домашней тирании: девушка любит честного ремесленника Василия, однако вынуждена подчиниться воле отца и выйти замуж «по расчету». Слова Лукича звучат как приговор:

«Сосед наш честен, всем хорош,
Да голь большая – вот причина!
Что честь-то? коли нет алтына,
Далеко с нею не уйдешь.
Без денег честь – плохая доля!»

Здесь социальное зло соединяется с этическим: «честь» и «труд» обесцениваются, выставляются на торг, и человеческая судьба определяется жадностью и корыстью.

Василий, возлюбленный Саши, является носителем другой жизненной нормы. В поэме он описан так:

«Сосед-столяр высок и строен.
Не очень смугл, не слишком бел,
Веселый взгляд его спокоен
И простодушно тверд и смел;
В обтяжку казакин из нанки,
Рубашка красная чиста;
Не в тяготу ему рубанки
И не в кручину беднота.»

Его образ противопоставлен кулаку: Василий трудолюбив, честен и достоин уважения. В его фигуре заключен другой вариант: жизнь, основанная на мастерстве и личном достоинстве. Тем не менее, в рамках логики «кулацкой экономики» такой персонаж признается отвергнутым как «неподходящий». Эта ситуация ярко демонстрирует системный характер краха: честный труд

теряет всякий смысл в среде, где главными критериями успеха имеют деньги и власть.

В совокупности эти образы создают полную картину того, как функционирует «механизм» кулацкого гнета. И. С. Никитин демонстрирует не разовое зло, а типичную ситуацию: кулачество разрушает как частную жизнь семьи, так и нравственные устои общества. Арина олицетворяет разрушенную женскую судьбу, Саша – жертву межпоколенческого бесправия, а Василий – отвергнутая модель праведного труда. Значимость героев выходит за рамки индивидуальных характеров: они являются составными частями механизма, в котором зло вечно возобновляется. Благодаря этому, поэма обретает статус документа, фиксирующего не только частные трагедии, но и глубокий общественный кризис.

Уже первые строки «Кулака» задают тон и определяют способ художественного представления социального зла: поэт не выставляет кулака как некий мифический архетип, а вводит его в язык народной речи и бытовой конкретики. Образ появляется в первых же характеристиках:

«Кулак... да мало ль их на свете? / Кулак катается в карете, / Из грязи да в князя ползет / И кровь из бедняка сосет...», что сочетает и прямое социальное обвинение, и ритмику, близкую устной песне.

Такое начало одновременно фиксирует распознаваемый тип и включает читателя в «народный» круг оценок: звучание приближает текст к коллективной жалобе, а не к произвольной авторской ремарке. Именно включение фольклорных интонаций в поэтическую ткань придает поэме массовую «аутентичность» и усиливает эффект достоверности.

В поэме «Кулак» И. С. Никитин использует повторы и речевые клише не просто как ритмический прием, а как смысловой каркас: они фиксируют длительность и общинную природу беды. Исследователь И. М. Камов точно подмечает это свойство, говоря о «выяснении устойчивой длительности беды и ее общинного характера» [Камов, 1901, с. 193]. И действительно,

коллективная жалоба, проходящая через текст поэмы («А ведь кричат: кулак! кулак!...») словно вбивает в память читателя следы пережитого насилия.

Как мне кажется, именно благодаря этим повторам эпизоды перестают быть частными историями и вырастают до типических: страдание одной семьи становится судьбой многих. Как точно замечает Г. М. Фридлендер, «страдание перестает быть частной драмой и становится судьбой многих» [Фридлендер, 1971, с. 165]. И поэтому интонация поэмы звучит не как публицистический памфлет, а как живой голос народа, в котором личная боль растворена в общем опыте.

И здесь особенно важен еще один прием, который И. С. Никитин неизменно использует с удивительной точностью: бытовая деталь как этический и эмоциональный аргумент. Вспомним эпизод, где Лукич выворачивает карман и извлекает «последний гривенник». Поэт не дает пространственных объяснений, он действует через жест:

«И в кошелке Лукич порылся,
Последний гривенник достал».

Эта деталь, на первый взгляд, крошечная, на самом деле разрывает ткань абстрактного повествования. Надо признать, что она работает не как символ, оторванный от реальности, а как осязаемая вещь, которую можно представить, почти потрогать. И именно в этой конкретной предметности читатель ощущает истинные масштабы эксплуатации – не через громкие слова, а через пустой кошелек и дрожащую руку. Именно на этот аспект, по замечанию Г. П. Чернышевой, указывала критика XIX века: «в поэме «Кулак» как ключевые художественные достоинства выделялись «живая передача действительности» и типичность изображенных сцен» [Черешнева, 2008, с. 141].

И. С. Никитин прибегает к диалогу и бытовому эпизоду для демонстрации процесса нравственной деградации. Эпизод, в котором звучит требование «подушное платить», а затем кошелек швыряют на стол, обнажает социальную «схему» насилия, трансформирующую личное унижение в экономическую выгоду. В этих беседах проступают признаки повседневной

манипуляции: лицемерие, торговый жаргон и одновременно слабость плательщиков. Подобная драматургия выявляет суть явления: зло порождается не случайным злодеем, а ложившейся системой условий, которая формирует образ «кулака» как неотъемлемого элемента рыночной жизни. Через эту «микродраматургию» автор показывает социальную логику эксплуататора.

В поэме природа выступает не просто фоном для событий, а выполняет функцию нравственного комментария и эмоциональной подоплеки:

«День гаснет. Облаков громада
Покрыта краской золотой;
От луга влажною струей
Плывет душистая прохлада;»

Приведенные строки, описывающие угасание дня и золотистую окраску облаков, «коррелируют с нарастанием тревожной атмосферы и отражают внутреннее состояние героев. У И. С. Никитина природные образы действуют как своеобразное «голосовое поле»: смена дня и ночи, лютый мороз, затухающий свет сигнализируют об ухудшении ситуации и усилении чувства безысходности» [Белова, 2005, с. 120]. Подобный прием «обогащает лиризм произведения, наделяя социальные события глубокой эмоциональной окраской, что позволяет читателю одновременно воспринимать объективную картину и ее субъективное осмысление» [Романов, 2024]. Именно это синтетическое единство современные исследователи считают одним из главных достижений поэмы.

Наконец, лирическое начало в «Кулаке» не противопоставлено социальной линии, а действует с ней в синтезе. Лирические отступления и интонационные переломы делают поэму не простым памфлетом, а художественным сочинением, где нравственная оценка рождения социального зла ведется через чувство. Последние строфы:

«Когда минет проказа века
И воцарится честный труд;

Когда увидим человека –
Добра божественный сосуд?»),

обращенные к надежде на перемену и «расцвет» добра, сохраняют тон глубокой личной тревоги и одновременно поднимают поэтический призыв. Это не риторика, а эмоционально оправданное заключение. Оценка критики XIX века подчеркивала именно эту художественную интеграцию: поэма была признана «и поэтически цельной, и социально значимой» [Сивицкий, 1893].

В поэме И. С. Никитин сознательно отказывается от позиции внешнего наблюдателя: лирический рассказчик здесь говорит «изнутри» народной чувственности, как участник общего опыта. Он не произносит обвинения от имени высоты, а ведет речь от лица общины, в которую вплетена его собственная судьба. Например, в ключевой сцене его возглас:

«Ты сгиб. Но велика ль утрата?
Вас много! Тысячи кругом,
Как ты, погибли под ярмом
Нужды, невежества, разврата!»

звучит как коллективная жалоба, вмещающая в себя трагедию одного «ты» и статистику тысяч подобных судеб.

Здесь нет отстраненности, есть только подспудная связь с мучениями народа, написанная от лица того, кто страдает вместе с ним. Заключительные строки поэмы также удерживают настрой мягкой надежды, избегая призывного стога. И. С. Никитин намеренно выстроил такую лирическую иерархию, идущую от глубины к краям, а не наоборот. Именно благодаря этому приему поэма спасена от скатывания в памфлет: ее сила кроется не в агитационном порыве, а в подлинной эмоциональной глубине и народной лирической правде.

Таким образом, в «Кулаке» личная боль не остается безразличной, а превращается в суть поэтического высказывания. И. С. Никитин избегает деления на «карателя» или «жертву», а показывает систему, где индивидуальная трагедия приобретает черты общественного лейтмотива.

Народная интонация, оформленная в художественные формы, рождает чувства сопричастности: читатель слышит не критический спор, а откровенный рассказ очевидца о собственных переживаниях. Именно это сочетание внутреннего лиризма с социальной проблематикой возводит произведение в ранг важной вехи в развитии демократической лирики второй половины XIX века. Поэма выступает не как средство борьбы, а как подлинное народное исповедание – боль, которую слышат и понимают многие.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что поэма «Кулак» стала для И. С. Никитина произведением, где социальная проблематика и лирическое начало впервые обрели неразрывное единство. Поэт фокусируется не на отвлеченных концепциях угнетения и нищеты, а на реальных человеческих судьбах: Арины, Саши, Василия. Их жизни разрушаются системой, в которой «нужда, невежество и разврат» формируют тип кулака. Лирическая интонация помогает автору превратить бытовую драму в художественное свидетельство о народной трагедии, избежав при этом публицистической прямолинейности.

Особая ценность «Кулака» также кроется и в его стилистической специфике. Использование фольклорных повторов, параллелизмов и сказовых интонаций наделяет текст звучанием, напоминающим коллективный голос. Народная песенная интонация выступает инструментом художественной правдивости, позволяя И. С. Никитину слиться с голосом общины. Одновременно с этим, внимание к бытовым деталям наделяет изображение силой конкретного опыта, в котором социальная боль становится видимой и ощутимой.

Критики XIX века отмечали, что И. С. Никитину удалось уйти от романтизации образа кулака. Добролюбов акцентировал внимание на «будничной жестокости», которая страшнее исключительных злодейств: в поэме кулак предстает перед читателем не как демоническая фигура, а как «узаконенный мошенник», порожденный самой окружающей средой» [Добролюбов, 1962, с. 142]. Этот подход позволил И. С. Никитину объединить социальный анализ с нравственным пафосом. Зло показано как следствие

тяжелых жизненных условий, а не как следствие личной «порчи» характера, что многократно усиливало воспитательную и критическую силу текста.

Если рассматривать поэму «Кулак» в широкой литературной перспективе, то он оказывается тем самым мостом, который соединяет лирическую исповедальность А. В. Кольцова и гражданскую страстность Н. А. Некрасова. И это, на мой взгляд, не просто формальное звено в цепочке – И. С. Никитин сумел показать, что поэзия может быть одновременно исповедальной и социальной, не жертвуя ни искренностью, ни остротой. Стоит заметить, что именно эта поэма стала своего рода эталоном для демократической литературы середины XIX века: в ней впервые голос простого народа зазвучал не как этнографический экспонат, а как полноценный художественный субъект. Как правило, о подобных вещах говорят в высоком стиле, но здесь я позволю себе сказать проще: «Кулак» ценен не тем, что он «правильный» с идеологической точки зрения, а тем, что в нем социальная боль облечена в живую, почти осязаемую плоть стиха. И некрасовская традиция «народной исповеди», надо признать, во многом выросла именно из этого опыта – когда поэт не созерцает мужика со стороны, а говорит его языком и его болью.

Выводы по второй главе

Во второй главе была предпринята попытка проследить, как именно биографический опыт и литературные контакты И. С. Никитина определили формирование его поэтической системы и как социальная и лирическая линии соединились в его творчестве, в том числе в поэме «Кулак».

Анализ биографических предпосылок и литературного окружения И. С. Никитина, проведенный в первом параграфе, позволяет говорить о том, что жизненный материал и поэтическое содержание у него практически совпадают. Поэт не был сторонним наблюдателем народной жизни: он сам вышел из мещанской среды, знал, что такое постоянный двор и торговля в убыток, сам видел городское дно. Как правило, в литературе подобные вещи

описываются со стороны, но у него между автором и его героями нет дистанции – он пишет о народе изнутри, потому что сам принадлежал к этой среде. Его профессионализации в литературе способствовали воронежский круг Н. И. Второва, переписка с Н. А. Добролюбовым, публикации в «Современнике» под редакцией Н. А. Некрасова, однако внутренний импульс к письму родился не из журнальных рецензий, а из жизни, в которой поэт почти задыхался от безысходности. Как отмечает В. А. Тонков, «воронежский период – это не просто биографическая веха, а фундамент, на котором выросла вся поэтическая система Никитина» [Тонков, 1968, 22]. Обращает на себя внимание, что, в отличие от многих современников, И. С. Никитин не описывает народ, а говорит от его имени, и в этом, по-видимому, заключается принципиальное отличие его поэтической позиции.

Влияние А. В. Кольцова, рассмотренное во втором параграфе, является фундаментальным, но его нельзя назвать прямым ученичеством. От А. В. Кольцова И. С. Никитин взял песенный строй, психологизм, народную речь. Однако он существенно раздвинул тематические рамки: в его лирике появляются городская беднота, разрушенные семьи, одиночество – то, чего нет у А. В. Кольцова. И если А. В. Кольцов в финале всегда оставлял надежду, то у И. С. Никитина надежды почти не остается – она замещается трагическими мотивами смерти, страдания, безысходности. Именно эта интонация становится тем самым «никитинским» знаком, который делает его поэзию столь узнаваемой и пронзительной. Как справедливо замечает В. А. Тонков, «Никитин преломил кольцовскую стихию через собственную драматическую судьбу, и это преломление дало новый, ранее не известный русской поэзии лирический строй» [Тонков, 1968, 98]. Особый интерес в этом контексте представляет наблюдение Н. Н. Скатова, который видит в И. С. Никитине «своеобразное звено между Кольцовым и Некрасовым, сумевшее синтезировать их поэтические открытия» [Скатов, 1968, 119].

Центральное место во второй главе занимает анализ поэмы «Кулак», проведенный в третьем параграфе. Это произведение, как показано в

исследовании, представляет собой не просто социальный памфлет и не просто лирическую исповедь, а органичное сочетание того и другого, едва ли не единственное в своем роде в поэзии того времени. На социальном уровне «Кулак» – это разоблачение стяжательства, где нужда и корысть сжирают человека изнутри. На лирическом – это психологическая глубина: Лукич, Маша, семейная трагедия, поданная без морализаторства, а через живую боль. Примечательно, что в отличие от некрасовских поэм, где социальный пафос часто звучит открыто, как прокурорская речь, в «Кулаке» этот пафос растворен в судьбе отдельной семьи. И потому он воздействует сильнее. Как отмечает Г. П. Черешнева, «поэма «Кулак» является узловым произведением, в котором соединяются все основные линии творчества Никитина – социальная, лирическая, биографическая» [Черешнева, 2008, 153]. В этом смысле «Кулак» оказывается не эталоном демократической поэзии в ее идеологическом смысле, а эталоном человечности в литературе.

Таким образом, во второй главе решались задачи, связанные с анализом биографических предпосылок, влияния А. В. Кольцова и поэмы «Кулак» как синтетического произведения.

Итогом анализа второй главы становится понимание того, что персональная поэтическая модель И. С. Никитина складывается на пересечении трех факторов: личного жизненного опыта, некрасовской социальной традиции и кольцовского лиризма. При этом И. С. Никитин не механически соединяет эти составляющие, а перерабатывает их в самостоятельную художественную систему, где социальное растворено в личном, трагическое соседствует с просветленным, а народная тема обретает глубоко индивидуальное, исповедальное звучание.

Заключение

В результате проведенного исследования было выявлено следующее.

Прежде всего обращает на себя внимание, что И. С. Никитин не был ни простым учеником, ни эпигоном Н. А. Некрасова. Он действительно многое взял у старшего современника – гражданский пафос, внимание к социальным низам, готовность говорить о боли и несправедливости. Однако эти темы у него звучат иначе: сдержаннее, глуше, без некрасовской публицистической прямоты. «Некрасовская школа» не подавила его голос, а дала ему опору, оттолкнувшись от которой он нашел свой собственный путь. И путь этот проходил не через декларации, а через личный опыт – тот самый, который он вынес из воронежской мещанской среды, из постоянного двора, из раннего физического труда и неудач.

В первой главе были рассмотрены истоки народной темы в русской литературе XIX века, основные черты некрасовской традиции и ее трансформация в поэзии И. С. Никитина. Анализ позволяет говорить о том, что народная тема к середине столетия эволюционирует от фольклорно-этнографического интереса к острой социальной проблематике, и в этом процессе Н. А. Некрасов занимает ключевое место, задавая новые принципы изображения простого человека. И. С. Никитин принимает некрасовскую традицию, но переплавляет ее: у него почти нет некрасовской иронии, вместо нее – трагизм, порой граничащий с безысходностью. Его лирический герой молчаливее, он скорее созерцает, чем обличает, больше сострадает, чем гневается. Именно в этом расхождении, по мысли Г. П. Черешневой, и состоит ценность поэта для литературного процесса: он усвоил уроки Н. А. Некрасова, но не стал его копией, а пропустил их через собственную художественную призму.

Во второй главе была предпринята попытка проследить, как биографический опыт и литературное окружение И. С. Никитина определили формирование его поэтической системы. Особого внимания заслуживает биографический срез. В отличие от многих исследований, где биография

служит лишь фоном, в данной работе она стала ключом к пониманию поэтической системы поэта. И. С. Никитин не наблюдал за народом со стороны – он жил среди него, сам был частью той среды, о которой писал. Поэтому его стихи лишены дидактики, зато полны внутреннего знания. Н. Г. Чернышевский в своей рецензии отметил именно эту ограниченность тематики как недостаток, однако, как показал анализ, именно она и стала силой И. С. Никитина. Он не пытался охватить необъятное, а говорил о том, что знал доподлинно. И это, вероятно, сделало его голос более честным, чем у многих столичных современников.

Особый разговор об А. В. Кольцове. Здесь традиция сработала иначе, чем в случае с Н. А. Некрасовым: И. С. Никитин взял у А. В. Кольцова не темы, а стихию – песенный строй, лаконизм, мелодику. Но вместо кольцовой жизнеутверждающей ноты у него звучит горечь, трагизм, почти безысходность. Он преобразовал кольцовскую лирическую стихию в социальную драму, и именно это преобразование дало его поэзии ту самую уникальную интонацию, которую трудно спутать с кем-то еще. По наблюдению В. А. Тонкова, И. С. Никитин преломил кольцовскую стихию через собственную драматическую судьбу, и это преломление дало новый, ранее не известный русской поэзии лирический строй. Из двух традиций он не создал комбинацию, а сделал нечто третье – свое.

Центральная точка всего исследования – поэма «Кулак». На социальном уровне это, безусловно, критика стяжательства и разложения человеческой души под гнетом нужды. Но на лирическом – это исповедь, почти семейная драма, где Лукич и Маша не иллюстрации к статье, а живые люди. И в этом состоит принципиальное отличие И. С. Никитина от Н. А. Некрасова: у него социальное не вынесено в публицистику, а растворено в личной трагедии. Оттого оно и воздействует сильнее. Как подчеркивает Г. П. Черешнева, поэма «Кулак» является узловым произведением, в котором соединяются все основные линии творчества И. С. Никитина – социальная, лирическая, биографическая.

Обращает на себя внимание то, что И. С. Никитин предстает не как последователь традиций, а как их преобразователь. Он не копировал, а перерабатывал. И его значение для русской литературы не в том, что он был последователем Н. А. Некрасова или А. В. Кольцова, а в том, что он стал связующим звеном между ними и в то же время индивидуальным автором. Его поэзия наглядно показывает, что традиция может не давить, а высвобождать индивидуальность, если поэт имеет смелость говорить своим голосом.

В итоге исследование позволяет предполагать, что художественный мир И.С. Никитина – это не сумма влияний, а их органичный синтез, рожденный не в кабинете, а в жизни. Социальный реализм Н. А. Некрасова и лирический реализм А. В. Кольцова встретились в его поэзии на равных, и эта встреча дала тот самый «никитинский» голос: народный по духу, но тонкий по форме, гражданский по сути, но исповедальный по интонации.

Таким образом, можно предположить, что И. С. Никитин – не второстепенный поэт, стоящий в тени Н. А. Некрасова, а иная, самостоятельная величина: более личный, более «свой» для той среды, которую описывал. И в этом заключается его подлинное место в русской литературе: он не соперник, не эпигон, а самостоятельный голос провинциальной России, который заслуживает быть услышанным наравне с другими.

Список литературы

Тексты

1. Никитин, И. С. Дневник семинариста / И. С. Никитин. – Санкт-Петербург : Русское Книжное Товарищество «Деятель», [1912]. – 109 с. – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003794109?page=117&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 19.08.2025).
2. Никитин, И. С. Стихотворения Ивана Никитина / И. С. Никитин. – Санкт-Петербург : Типография К. Вульфа, 1859. – 152 с.
3. Никитин, И. С. Кулак : Поэма И. С. Никитина ; [вступ. ст. Ив. Белоусова]. – Москва : Красная новь, 1923. – 80 с.
4. Никитин, И. С. Стихотворения и поэмы / И. С. Никитин – Москва : Художественная литература, 1974. – 331 с. – (Классики и современники).
5. Кольцов, А. В. Полное собрание стихотворений / А. В. Кольцов ; [вступительная статья и примечания Л. А. Плоткина ; подготовка текста М. И. Маловой и Л. А. Плоткина]. – Ленинград : Советский писатель, 1958. – 305 с. – (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).
6. Некрасов, Н. А. Кому на Руси жить хорошо / Н. А. Некрасов. – Москва : Издательство АСТ, 2017. – 448 с. – (Эксклюзив: Русская классика).
7. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. / Н. А. Некрасов ; Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом) ; редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) [и др.]. – Ленинград : Наука, 1981-2000. – Т. 14, кн. 1. – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – 369 с.
8. Некрасов, Н. А. Стихотворения. Поэмы : [сборник] / Н. А. Некрасов ; [воспоминания современников] – Москва : Правда, 1990. – 478 с.

Основные источники

9. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 504 с.

10. М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; составитель С. Г. Бочаров. – 2-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.

11. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений В. Г. Белинского : Т. 10 / под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова. – Санкт-Петербург : Типография товарищества «Общественная польза», 1914. – 522 с.

12. Белова, Т. В. Фольклоризм И. С. Никитина / Т. В. Белова // Вопросы поэтики литературы и фольклора : [сборник статей] / науч. ред. С. Г. Лазутин [и др.]. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1976. – С. 112-125. – (Русская литература : сборник).

13. Бугакова, Н. Б. Устаревшая лексика как способ воссоздания исторического контекста (на примере поэмы И. С. Никитина «Кулак») / Н. Б. Бугакова, М. В. Новикова. // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2024. – № 4(55). – С. 135-141. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustarevshaya-leksika-kak-sposob-voosozdaniya-istoricheskogo-konteksta-na-primere-poemy-i-s-nikitina-kulak/viewer> (дата обращения: 19.08.2025).

14. Бухштаб, Б. Я. Н. А. Некрасов (Проблемы творчества) / Б. Я. Бухштаб ; послесловие Б. Ф. Егорова. – Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1989. – 349 с.

15. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский ; [Вступ. ст. И. К. Горского, с. 11-31; Коммент. В. В. Мочаловой]. – Москва : Высшая школа, 1989. – 404 с.

16. Виноградов, В. В. История русской литературы XIX века / В. В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1991. – 467 с.

17. Гаркави, А. М. И. С. Никитин : жизнь и творчество / А. М. Гаркави. – Воронеж : Воронежское книжное издательство, 1955. – 152 с.

18. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – 2-е изд., доп. – Ленинград : Советский писатель, 1974. – 408 с.
19. Гиппиус, В. В. Некрасов в истории русской поэзии XIX века / В. В. Гиппиус // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. – Москва : Наука, 1966. – С. 225.
20. Горелов, А. А. А. В. Кольцов и русский фольклор / А. А. Горелов // Кольцов А. В. Стихотворения / А. В. Кольцов ; вступительная статья А. А. Горелова ; примечания А. А. Горелова. – Москва : Наука, 1989. – С. 5-32. – (Литературные памятники).
21. Демидова, О. В. Поэзия И. С. Никитина в контексте русской литературной традиции середины XIX века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. В. Демидова. – Воронеж, 2003. – 22 с.
22. Добролюбов, Н. А. Кулак. Поэма И. Никитина / Н. А. Добролюбов // Избранные статьи / Н. А. Добролюбов ; [сост. А. Ф. Смирнов]. – Москва : Современник, 1980. – С. 135-170. – (Библиотека «Любителям российской словесности»).
23. Еголин, А. О некрасовской школе в русской поэзии XIX века / А. Еголин // Вопросы литературы. – 1958. – № 5. – С. 152-165.
24. Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности : монография / И. А. Есаулов ; Министерство образования Российской Федерации, Государственная академия славянской культуры, Центр литературоведческих исследований. – Москва : Кругъ, 2004. – 559 с.
25. Жданов, В. В. Некрасов / В. В. Жданов. – Москва : Молодая гвардия, 1971. – 496 с. – (Жизнь замечательных людей).
26. Жданов, В. В. Некрасов : жизнь и творчество / В. В. Жданов. – Москва : Просвещение, 1987. – 256 с.
27. Зарин, С. М. Нравственный облик и характерные особенности поэтического творчества Ивана Савича Никитина / С. М. Зарин // Христианское чтение. – 1904. – № 12. – С. 853-859.

28. Илюшин, А. А. Поэзия Некрасова : в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / А. А. Илюшин. – Москва : Издательство МГУ, 1998. – 76 с.

29. Камов, И. М. Содержание и характер поэзии И. С. Никитина : оттиск из «Русского Филологического Вестника» / И. М. Камов. – Варшава : Типография Варшавского Учебного Округа, Краковское-Предместье № 8, 1901. – 242 с. – URL : <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003697328?page=5&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 23.06.2026).

30. Карташева, Н. А. Прозаизация жанра элегии в лирике Н. А. Некрасова 1840-1850-х гг. в контексте русской элегической традиции / Н. А. Карташева // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – № 4-3. – С. 739-741. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prozaizatsiya-zhanra-elegii-v-lirike-n-a-nekrasova-1840-1850-h-gg-v-kontekste-russkoy-elegicheskoy-traditsii/viewer> (дата обращения: 19.08.2025).

31. Кузнецов, В. И. Иван Саввич Никитин : книга для учащихся старших классов средней школы / В. И. Кузнецов. – Москва : Просвещение, 1991. – 159 с. – (Биография писателя).

32. Лебедев, Ю. В. Русская литература XIX века : курс лекций для бакалавриата теологии : [в 2 т.] / Ю. В. Лебедев. – Москва : Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия : Познание, 2020– . – Т. 2 – 2020 – 605 с.

33. Малышев, А. И. Социальные мотивы в поэзии И. С. Никитина / А. И. Малышев. – Воронеж : Наука, 1999. – 178 с. – Текст : непосредственный.

34. Мельник, В. И. Житийные мотивы в стихотворении Н. А. Некрасова «Влас» / В. И. Мельник // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhitinye-motivy-v-stihotvorenii-n-a-nekrasova-vlas> (дата обращения: 01.11.2025).

35. Ночевка, Е. И. Проблема «маленького человека» в русской литературе XIX века: эволюция и типология образа : выпускная

квалификационная работа / Е. И. Ночевка ; научный руководитель В. В. Липич. – Белгород, 2018. – 94 с.

36. Пивоварова, Ю. И. Просвещенная личность в культурной среде провинциального города середины XIX в.: Н. И. Второв и Воронеж // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 268-271. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prosveschennaya-lichnost-v-kulturnoy-srede-provintsialnogo-goroda-serediny-xix-v-n-i-vtorov-i-voronezh/viewer> (дата обращения: 03.12.2025).

37. Плоткин, Л. А. Алексей Васильевич Кольцов : жизнь и творчество / Л. А. Плоткин. – Москва : Наука, 1965. – 248 с. – Текст : непосредственный.

38. Прядкин, С. Материалы для биографии И. С. Никитина (письма его) : отгиск из IV-V вып. «Филол. Зап.» за 1901 г. / С. Прядкин. – Воронеж : Типография В. И. Исаева, 1902. – IV, 16с. – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003706278?page=5&rotate=0&theme=white>.

39. Романов, Д. А. Лирика И. С. Никитина в ракурсе современной лингвопоэтики (к 200-летию со дня рождения поэта) / Д. А. Романов. // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 2(53). – С. 243-257. – URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/lirika-i-s-nikitina-v-rakurse-sovremennoy-lingvopoetiki-k-200-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-poeta> (дата обращения: 03.12.2025).

40. Сивицкий, Ф. Е. И. С. Никитин, его жизнь и литературная деятельность : с портретом И. Никитина / Ф. Е. Сивицкий. – Санкт-Петербург : Типография и фототипия В. И. Штейна, 1893. – 78 с.

41. Сидоров, А. Г. Литературные портреты / Александр Сидоров. – Москва : Интернациональный союз писателей, 2021. – 371 с.

42. Скатов, Н. Н. Поэты некрасовской школы / Н. Н. Скатов ; Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Ленинград : Наука, 1968. – 224 с.

43. Скафтымов, А. П. Поэтика художественного произведения / А. П. Скафтымов. – Москва : Высшая школа, 2007. – 533 с.

44. Соколова, В. Ф. Художественное народознание и его роль в русской литературе XIX века / В. Ф. Соколова, Н. Г. Перевозчикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 7. – С. 1989-1994. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-narodoznanie-i-ego-rol-v-russkoj-literature-xix-veka> (дата обращения: 01.11.2025).

45. Сурнина, Л. Е. И. А. Куратов и русские поэты XIX в. (А. В. Кольцов, И. С. Никитин, Н. А. Некрасов): возможности сравнительного анализа / Л. Е. Сурнина // Вестник угроведения. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 323-331. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-a-kurатов-i-russkie-poety-xix-v-a-v-koltsov-i-s-nikitin-n-a-nekrasov-vozmozhnosti-sravnitelnogo-analiza/viewer> (дата обращения: 14.06.2026).

46. Томашевский, Б. В. Избранные работы о стихе : учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / Б. В. Томашевский ; вступительная статья Е. В. Хворостьяновой ; комментарии С. И. Монахова, К. Ю. Тверьянович, Е. В. Хворостьяновой ; Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва : Академия, 2008. – 441 с.

47. Тонков, В. А. И. С. Никитин : очерк жизни и творчества / В. А. Тонков. – Москва : Просвещение, 1968. – 126 с.

48. Фенчук, О. Н. Судьба поэта : [о жизни и творчестве И. С. Никитина] / О. Н. Фенчук // Подъем : ежемесячный литературно-художественный журнал. – 03.11.2023. – URL: <https://podiemvrn.ru/sudba-pojeta> (дата обращения: 20.09.2025).

49. Флаэрти, Д. Новый человек и народ: лирический голос и поэтическое народовластие у Н. А. Некрасова / Д. Флаэрти // Русская литература. – 2021. – № 4. – С. 52-64.

50. Фридлиндер, Г. М. Поэтика русского реализма : Очерки о русской литературе XIX века / Г. М. Фридлиндер; Академия наук СССР, Институт

русской литературы (Пушкинский Дом). – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1971. – 293с.

51. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – Москва : Высшая школа, 1999. – 400 с.

52. Черешнева, Г. П. : Поэзия И. С. Никитина в литературном процессе 1840-х – начала 1860-х годов : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Г. П. Черешнева ; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. – Москва, 2012. – 27 с. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005054878?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 29.09.2025).

53. Черешнева, Г. П. Поэма И. С. Никитина «Кулак» / Г. П. Черешнева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – Москва, 2008. – № 2. – С. 149-156. – URL: https://www.elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpage=https%3A%2F%2Fwww%2Eelibrary%2Eru%2Fitem%2Easp%3Fid%3D11675861 (дата обращения: 29.09.2025).

54. Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений : в 10 т., 1828-1889/ Н. Г. Чернышевский. – Санкт-Петербург : Издание М. Н. Чернышевского, 1906. – III, 780 с.

55. Ямпольский, И. Г. Поэзия шестидесятых годов (общий обзор) / И. Г. Ямпольский // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкин. Дом) ; гл. ред.: Н. Ф. Бельчиков [и др.] – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1941-1956. – Т. VIII : Литература шестидесятых годов, ч. 2. – 1956. – С. 7-55.

Справочная литература и электронные ресурсы

56. Воронежский литературный музей имени И. С. Никитина. Краткий обзор творчества Алексея Кольцова. – URL: <https://voronezhliter.ru/imena/aleksej-vasil-evich-kol-cov/kratkij-obzor-tvorchestva-alekseya-kolcova/> (дата обращения: 29.09.2025).

57. Литературная карта Воронежского края : И. С. Никитин // Воронежская областная универсальная научная библиотека им. И. С. Никитина : [сайт]. – Воронеж. – URL: <https://vrnlib.ru/litmap/nikitin> (дата обращения: 15.06.2026).

58. Русские писатели : биобиблиографический словарь : в 2 ч. / под редакцией П. А. Николаева. – Москва : Просвещение, 1990. – Ч. 2 : М-Я. – С. 85-87.